



*Алина*  
ЗНАМЕНСКАЯ

ПЛЕННИЦА  
*дождя*

**Алина Знаменская**  
**Пленница дождя**  
Серия «Лучшие романы о любви»

*Текст предоставлен правообладателем*

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=136627](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=136627)*

*Знаменская, Алина. Пленница дождя: АСТ, Астрель; Москва; 2015*

*ISBN 978-5-17-091274-2*

### **Аннотация**

Вместе с последним школьным звонком закончилось детство. И две подруги стремятся побыстрее сбежать во взрослую жизнь. Только дороги у них разные. Одна рвется из дома, чтобы уйти от чрезмерной опеки родителей. Другая бросается на поиски своей мамы, чтобы ощутить, каково это – быть любимой дочерью.

Судьба вовсе не спешит протянуть им руку помощи... и учиться приходится на своих ошибках. Окружающий мир плачет тихим дождем, а девочки не могут позволить себе слез. Они свято верят: если ждешь и надеешься, мечты непременно сбудутся!

# Содержание

Глава 1	5
Глава 2	18
Глава 3	34
Глава 4	49
Глава 5	65
Глава 6	84
Конец ознакомительного фрагмента.	95

# **Алина Знаменская**

## **Пленница дождя**

© А. Знаменская, 2015

© ООО «Издательство АСТ», 2015

# Глава 1

Они все врут!

Саша отвернулась от жующих попутчиков и уставилась в окно. Очередная деревня с лужей на обочине сменилась плешинами посадки. И все же смотреть в окно было приятнее, чем созерцать поглощение яиц вкрутую, копченой колбасы и одноразовой лапши в стаканчиках. Если бы ей досталась верхняя полка, она давно закрылась бы от мира простыней и сосредоточилась на своем. Но ей досталась нижняя, и в придачу – весьма общительные попутчики. Они так и норовили залезть в душу.

– Ну что, студентка, нос повесила? Ты покушай поплотнее, да и повеселеешь.

Это мужик в тельняшке. Весь вечер докапывается. То – куда едешь, то – кем родители работают. Ждет, что ли, когда ему нахамят?

– Девушкам надо талию беречь.

Это тетка. Полторы тонны веса. Ест и дышит со свистом.

– Я сама в девчонках тонкая была. Тонкая, звонкая, прозрачная.

Мужик в тельняшке чуть не подавился. Замер, глаза выкатил, а потом как заржет!

– Ну ты, блин, тетя, врать горазда!

Все врут.

Саша закрылась журналом, словно дверь в свою комнату захлопнула. Мир заквашен на вранье. Ложь оплетает людей, как липкая паутина. Лепят себе легенды и живут в них как в норах. Так теплее. Это правила игры, она поняла. Саша ненавидит ложь. Игра с фальшивыми правилами именуется жизнью, и она, Саша, вынуждена в нее играть. Играть и не врать? Плохо получается. Нет, собственно, она просто не сказала правду. Если бы она сказала, что задумала, бабушка никуда ее не отпустила бы. Она вцепилась бы в Сашу мертвой хваткой, призвала на помощь все свои болячки, стала бы давить на нее. Бить на жалость. И тогда Саша осталась бы. Со своими вопросами, на которые никто не хочет ответить. Со своей тоской. А носить в себе обиду и тоску в семнадцать лет – ох как тяжело.

Мужик в тельняшке завернул остатки еды в пакет, шумно отрыгнул и сладко потянулся, хрустя суставами.

Саша не выдержала. Она спрыгнула с полки и прошла в начало вагона, к купе проводников. Там было открыто окно. Она подставила лицо теплему ветру.

– Ничего, – сказала она себе. – Все куда-нибудь едут, и я еду. Подумаешь!

О бабушке старалась не думать. Предполагать, как та отреагирует на выходку внучки, – занятие не из приятных. Пусть реагирует как хочет. В конце концов – что она могла ожидать от человека, которому столько лет сама морочила голову?

Саша целый год играла в сыщика. Ей бы к экзаменам готовиться, а она была просто одержима своей идеей. Сначала она собрала все школьные фотографии матери, что хранились среди всякого хлама в коробках из-под конфет «Ассорти». Фотографии сплошь черно-белые, некоторые отливают коричневым. Мальчики на снимках длинноволосые, с отложными воротничками поверх пиджаков. Смешно. Или, как сказала бы Лидка, стрёмно. Девочки – в белых фартуках. Стрижки «сессон». Сашина мать, самая маленькая и хрупкая, стояла в первом ряду. Фигурой она напоминала Патрисию Каас. И губы, и взгляд были как у этой французской певицы. Мать была красивой. И имя ей бабушка выбрала немного не от мира сего – Лика. Имя ей очень шло.

Саша долго изучала фотографии. Доставала их, когда бывала одна, как что-то запретное, тайное, и разглядывала. Конечно же, она не могла не сделать для себя некоторых выводов. Мать была общительной и веселой. На всех фотографиях она в центре, среди подруг. Лика придерживалась моды, имела вкус. То, что на других сидело кургузо и с позиций сегодняшнего дня смотрелось нелепо и даже вызывало смех, у Лики было мило, к месту, кстати. Коротенькая юбочка, полосатая рубашечка в обтяжку, туфли на платформе. И не было во взгляде матери той подростковой забитости, неуверенности всеобщей, которой Саше не удалось избежать. Мать, вероятно, всегда знала, что она хорошенькая, несмотря на маленький рост и повадки Дюймовочки.

Еще у матери сохранилась анкета. Точно такими переболела и Саша лет в двенадцать-тринадцать. С кем ты хочешь пойти в кино? Кто из мальчиков тебе нравится? Твоя любимая группа.

В конце анкеты Саша нашла адреса. Сверила с фамилиями на оборотной стороне фотографии класса. В основном анкету заполняли одноклассники. Саша отправилась на поиски с Ликиной анкетой в руках и пачкой фотографий. По первым двум адресам жили уже совершенно другие люди. Но Саша настроилась решительно. Неудача ее не спугнула. По третьему адресу открыла женщина среднего возраста с бесцветным лицом и, выслушав Сашино вступление, кивнула в сторону комнаты. Проходи, мол.

– Я ведь только семь классов в этой школе проучилась. Потом в другую перешла, в английскую, и уже редко кого видела.

– А о своем классе можете что-нибудь вспомнить? – вежливо улыбаясь, допытывалась Саша. – У меня есть фотографии.

– Ну надо же! – Женщина всплеснула руками. – Школьный музей, говоришь? А мне так кажется, что теперь уж в школах такого не бывает. Это раньше у нас следопыты всякие водились, тимуровцы. А тут гляди-ка: школьный музей!

Женщина сняла с себя фартук, уселась рядом с Сашей на диван.

– А вот гляди – это я!

Лицо ее растянулось в улыбке. Она ткнула пальцем в прилизанную ушастую девчонку, доверчиво смотрящую в объектив.

– Вы почти не изменились, – машинально ляпнула Саша, вся дрожа от волнения. – А с кем вы дружили?

Женщина ударилась в воспоминания, то и дело тыкая в фотографию пальцем, словно нарочно обходя середину.

– А вот эту девочку вы помните? – наконец не выдержала Саша.

– Лику? Лику Ольшанскую? А как же! Она у нас председателем совета отряда была.

– Председателем... чего?

– Ну, это в пионерах. Тогда ведь как? Кто примерный, хорошо учится, того и выбирали. А она – маленькая, аккуратенькая, прямо кукла. Голос звонкий, чистый.

– А голос-то при чем?

– А как же! Рапорт отдавать. – Женщина посмотрела мимо Саши и вдруг не своим голосом оглушительно возвестила: – Товарищ председатель совета дружины! Отряд имени Марата Казея на линейку построен!

Саша вежливо улыбнулась. Понравилась ей бесцветная женщина, хотя больше о Лике Ольшанской она ничего существенного не вспомнила.

По следующему адресу Саше открыла ухоженная дама. Квартира, облагороженная евроремонтом, говорила сама за себя. Таких дам показывали в сериалах про новых русских.

Саша поначалу решила, что ошиблась номером квартиры. Оказалось – нет. Правильно пришла.

– Вы, девушка, не ошиблись. Я и есть Лена Бах.

Женщина картинно опустилась в глубокое кремовое кресло и выжидательно уставилась на гостью.

– Это надо же! Родные пенаты не забыли своих птенцов! Боже мой, и фотографии сохранились!

Пока дама щебетала и перебирала фотографии, Саша разглядывала даму. Та была облачена в леопардовый халат до пят, шлепанцы, обшитые шелком. Длинные ногти ее выглядели неестественными, будто приклеенными. Но не будешь же дома ходить в наклеенных ногтях? Значит, настоящие. Никогда не скажешь, что эта леопардовая и та бесцветная – одноклассницы. Надо же!

Саше сама собой пришла мысль, что мать может оказаться любой. И как та бесцветная. И как эта – богатая и холеная. И ее нетерпение и ее интерес от этих мыслей только накалялись.

– Класс у нас был недружный, – сразу заявила дама. – Так себе класс. Староста – зубрила из зубрил. У нее мать завучем работала, ну и все учителя тянули ее за уши. Оценки завышали. Она вызубрит и шпарит слово в слово по учебнику. И сплошное «ну», «это». Мы иногда на спор считали, сколько раз она свое «ну» вставит.

Саше это было неинтересно. И она не долго думая ткнула пальцем в мать.

– А эта?

– Лика? Ну а эта – вообще. Об этой и говорить не стоит.

– Как не стоит? Она же у вас, кажется, председателем была... этого... совета?

От волнения Саша стала забывать слова. Дама расхохоталась Сашиной наивности в лицо.

– О, наше детство золотое! Галстуки, линейки, смотрят строя и песни! Это в пятом классе. А в восьмом эта девочка уже ходила по рукам. А в свободное от основных занятий время окурки собирала, поскольку денег на сигареты не хватало. На тройки скатилась. Была отличницей, а пришлось после восьмого класса в ПТУ пойти – то ли на швею, то ли на парикмахера. С троечным аттестатом.

Если бы на Сашу вылили ведро воды, то, вероятно, она чувствовала бы себя примерно так же, как сейчас. Она съжилась, словно замерзла.

– Да, да, девушка, и в наше время это было. Девочки развлекались. Вы наверняка знаете, какой район у нас в городе называют Немытовкой. Так вот туда Лика со своей подружкой Танькой каждый день моталась... к мальчикам. Бабушке своей врала, что ездит во Дворец пионеров, в драмкружок.

– А мне... А я слышала, что она замужем была за военным, и вообще...

Саша хотела найти убийственные аргументы, чтобы уличить даму в чудовищной лжи. Видно же, что та просто завидовала Лике, которая нравилась мальчишкам. На эту Лену

Бах наверняка никто не смотрел.

– Да, замуж ей выскочить удалось, ничего удивительного. В то время у нас все девчонки военных ловили. Почему-то думалось, что путь жены офицера усыпан розами. Ей всегда хотелось блистать, не прилагая к этому никаких усилий.

Саша поднялась, чувствуя, что готова вцепиться в эту холеную сплетницу. Та поняла ее по-своему.

– Я понимаю, девушка, что вам это скучно. Такую историю в музей не поместишь. Сейчас я кофейку организую и мы с вами остановимся на более достойных.

– Нет! – Саша запихнула фотографии в сумку. – Мне некогда. Я и так задержалась уже...

Саша вылетела в подъезд, пулей промчалась по этажам – вниз, на улицу. В тот день она больше не ходила по адресам. Но это только в тот день.

– Где ты была? – мирно поинтересовалась бабушка, когда Саша, бросив пакет с фотографиями за диван, двинулась в свою комнату.

– Ходила к Юле переводить английский, – с мстительным чувством соврала Саша. Она не стала бросать в лицо бабушке обвинения и упреки. Она просто замкнулась. И плана тогда у нее еще никакого не было. А было только дикое стремление найти свою мать и задать ей один, столько лет мучивший ее вопрос.

Всегда, как только Саша задавала бабушке вопрос о матери, лицо той принимало каменное выражение. Не озарялось

нежностью или грустью, а именно эта бесстрастная маска. И фразы доставались матери от бабушки сухие и короткие. Была отличницей. Слушалась старших. Всегда мыла за собой тарелки. Иногда Саша умудрялась-таки вставить каверзный вопросик.

– А что мама больше всего любила из еды? А какая ее любимая книга?

В этих случаях бабушка вечно уходила от ответов. Она тут же придумывала срочное дело себе или Саше, начинала ворчать или, что еще хуже, напускала на себя выражение холодности и отстраненности. Словно Саша в чем-то виновата. Или же, наоборот, обвиняет ее, бабушку.

А может, бабушка действительно виновата?

У Саши постепенно возникло несколько легенд. Легенда первая. Мать росла своенравной девочкой, не слушалась старших, и тогда бабушка рассорилась с ней и сказала, что больше не пустит на порог. А потом, когда родилась Саша, то бабушка, опасаясь, что и Саша вырастет такой же своенравной и непослушной, забрала у матери Сашу. А потом...

В легенде выходила грубая нестыковка. Ведь мать могла приехать и забрать Сашу. Или хотя бы писать ей письма. Но писем не было. Тогда возникла вторая легенда.

Мать пишет письма, а их кто-то перехватывает. Зачем? Это уже вопрос другой. А вот – как? Скорее всего это делает сама же бабушка. Саша стала караулить почтальона и перед своим пятнадцатилетием месяц не ходила в школу. Карау-

лила письмо. Или открытку. Но ни письма, ни открытки она так и не дождалась.

Все остальные легенды годились только для детства. После шестнадцати Саша сама отмела их как ненужный сор. Она больше не хотела выдумывать. Она хотела знать правду.

Первая неудачная попытка – поход к одноклассникам матери – не остановила Сашу. Она предприняла вторую.

– Лика Ольшанская? – задумчиво переспросила женщина в очках, к которой Саша явилась на работу, в детсад. – Я ее очень хорошо помню. Мы не дружили, но дома друг у друга бывали. Лика жила с бабушкой. Родителей ее я никогда не видела.

– Как – не видели? – опешила Саша.

– Они жили где-то на Севере, строили какой-то завод. Что мне запомнилось... Мы куда-то собирались с классом, и я зашла за Ликой. Она искала какую-то кофточку, никак не могла найти. Тогда она стала вываливать вещи со всех полок прямо на пол. И в этой горе тряпок искать нужную вещь. Нашла, как ни в чем не бывало попихала все барахло кучей в шкаф и прикрыла его. Мне почему-то это так запомнилось, не знаю.

Женщина работала логопедом в саду. Очки придавали ее лицу серьезное, строгое выражение. Она и на фотографии была в очках, и Саше запомнилось ее вдумчивое взрослое лицо.

– А почему вас это так поразило? – не унималась Саша.

– Да так... Меня бы мама убила за такое. А Лика жила с бабушкой, и та, видимо, не ругала ее, ничего не заставляла делать. Сама все убирала за ней. Или Лика просто не боялась ее. Не знаю. Но только мыть полы или посуду – это было не для нее, Лики.

– А как же она в классе дежурила?

– В классе? Да мальчишки за нее все делали. Дежурили как? Мальчик – девочка. А Лика такая хрупкая, хорошенькая. Никому и в голову не приходило вручить ей тряпку или швабру.

После встречи с логопедом Саша долго сидела на школьном стадионе и думала. В этой же школе училась ее мать. И все эти женщины были когда-то девчонками. Носились здесь, мечтали о чем-то, влюблялись, ссорились. Оказывается, мать так же, как она, Саша, жила с бабушкой. Только бабушка у нее была другая. Мать Сашиной бабушки. Но этот факт от нее, Саши, скрыли. Умолчали. Значит, бабушке стыдно. Стыдно, что она не воспитывала свою единственную дочь, а переложила этот труд на чужие плечи. А иначе она бы не скрывала, а так бы и сказала внучке. Она предпочла ложь. Она опутала Сашу ложью, липкой, как бумага для ловли мух. Саша и сама научилась врать. Соседям, одноклассникам. Ах, мама пишет письма! Ах, летом она поедет с мамой на море! Ах, мама работает в Монголии, за границей...

А что она еще могла ответить на вопросы знакомых? Что мать она не помнит, потому что видела ее в последний раз

в свои три года?

...Поезд подъехал к крупной станции. К вагону подбежали мороженщики, торговки рыбой и пивом. В вагон стали подниматься новые пассажиры. Саша тоже вышла на перрон. Сумерки опутывали поезд. Огни вокзала обнадеживающе мерцали. И вместе с прохладным, свежим после душного вагона воздухом к Саше пришло совершенно новое, неожиданное чувство. Она выросла! Она едет одна в другой город! Позади школа, позади все плохое, все, что отравляло ее детство. Впереди может быть только хорошее!

Она попыталась взглянуть на себя со стороны. Как бы чужими глазами. Как если бы человек видел ее впервые и ничего не знал о ней. Со стороны ей увиделась девчонка среднего роста с короткой стрижкой каштановых волос и внимательным, испытующим взглядом больших глаз цвета темного янтаря. Да, именно так. Саше было очень приятно думать о себе в таких красивых выражениях. Ее карие глаза если и считались таковыми, то потому, что в них в известной степени присутствовал коричневый цвет. Но на солнце и при вечернем освещении этот коричневый щедро отливал желтым, прозрачным. И Саша придумала ему образное сравнение с янтарем. Поскольку янтарь она созерцала ежедневно – бабушка носила бусы для щитовидной железы, кажется.

Глаза цвета янтаря были обрамлены густыми ресницами, настолько длинными, Саше даже не приходилось их красить.

Губы у Саши – Ликины. Именно такие губы делают ли-

цо женщины немного детским. Да, губы материны, определено. Впрочем, человек со стороны, глазами которого Саша пыталась сейчас смотреть, сказал бы – губы Патрисии Каас. Вот. В остальном, по бабушкиным словам, Саша походила на отца. Вот о ком бабушка говорила с явным одобрением. Однажды у нее выскочила такая фраза: «Единственное, что Лика сделала путного, – сумела окрутить Сашиного отца». Благодаря генам отца Саша была крупнее матери и хотя не считалась высокой, но и маленькой ее тоже никто не называл. Она вполне нормальная. Симпатичная. Такая, как надо. И все у нее будет хорошо.

Пока Саша стояла возле купе проводников, настроение поменялось. Она вернулась на свое место – в проходе стояла новая пассажирка. Саше она показалась довольно пожилой. Заслуживающей того, чтобы ей уступили место, что Саша незамедлительно сделала. Пока пассажирка рассыпалась в благодарностях, Саша запрыгнула на верхнюю полку, вытянулась там и стала выдумывать свое будущее. Вдруг она обнаружила, что дальше чем «найти мать» в своих мечтах она идти не может. Она спотыкается на этом пункте. Саша не задумывалась над выбором профессии. Денег, чтобы учиться, у них с бабушкой нет. Саша была давно одержима своей идеей, и та до сих пор успешно толкала ее на поступки. Но... Впрочем, девочка без особых усилий отогнала от себя непрошенные мысли. Утро вечера мудренее. Она быстро уснула под стук колес.

## Глава 2

– Ася, посмотри, положила ли я тебе полотенце?

Настя послушно заглянула в чемодан. Полотенце лежало сверху.

– А где таблетки? На холодильнике лежали таблетки, где же они?

Альбина Станиславовна проделала путь из кухни в гостиную, затем в комнату дочери и снова – в кухню.

– Алечка, подними мне подушку повыше...

Это отец. Брови матери страдальчески взметнулись вверх. Она бросилась в комнату, где на диване, боясь пошевелиться, лежал Настин отец, директор средней школы Валерий Иванович Апрельков.

Процедура поправки подушек прошла со стонами и причитаниями.

– Ну и угораздило тебя, Валерий. Самое время! – Альбина Станиславовна не удержалась от колкости. – У дочери такой ответственный период, а мы...

– Мам, ну папа же не нарочно, – заступилась Настя.

– Радикулит не спрашивает, – простонал отец, кося глазами в сторону жены. – И потом... Дочь у нас уже взрослая, пора становиться самостоятельной.

Настя едва сдерживала ликование. Радость особо выказывать нельзя – как-никак у отца серьезный приступ радику-

лита. И это накануне отъезда в университет! Настинного поступления, о котором целый учебный год говорилось на семейных советах. Ехать с Настей должен был отец. И весь их маршрут, каждый шаг – все было продумано в деталях. И адреса знакомых и знакомых знакомых – все записывалось тщательно в отцовский толстый блокнот, пахнущий так же, как и его кабинет в школе, – книгами, куревом и змеиным ядом.

Мазь, в состав которой входил змеиный яд, применялась для натираний. Но в этот раз ни змеиный яд, ни йодная сетка – ничего не помогало. Каждое движение доставляло отцу нестерпимую боль. Мать хваталась за голову, а Настя едва сдерживала тайную радость. Она поедет одна! Совсем одна! Наконец-то!

Мама останется с отцом, поскольку он в таком положении совершенно беспомощен!

Насте хотелось прыгать и петь! Но она делала озабоченное лицо, искала таблетки, рылась в учебниках, в сотый раз перебирала документы. Короче, была пай-девочкой. Да, мама. Хорошо, папа. Все помню, только об этом и думаю. Так и сделаю. Деньги зашила, паспорт положила.

Настя знала – предстоящий вечер не сулит ничего, кроме наставлений. Одно и то же! Как в сказке про белого бычка.

Но завтра! Но послезавтра!

В восемь часов пришла Наташка.

– Здравсьте, Альбин Станиславн. Как Валерий Иваныч?

Тоже хочет выглядеть пай-девочкой. Только у нее совсем плохо получается. Настя волосы пригладит, белый воротничок выправит – куда ни шло. Но Наташка... Грива рыжая, ноги от ушей... Альбина Станиславовна про таких учениц говорит: «Внешность вызывающая».

Настя в отличие от подружки не обладала столь вызывающей внешностью. Невысокая, худенькая. Нет, теперь уже не худенькая, а стройная. Прошлым летом у Насти стала, откуда ни возмись, прорисовываться фигура девушки. Она ужасно гордилась появляющимися формами и, как могла, их подчеркивала. Так что с фигурой у нее, слава Богу, все в порядке. Вот с предками не повезло. И угораздило же родиться в семье учителей! То ли дело – Наташка. Папы вообще дома не бывает, он постоянно на заработках. А мама до позднего вечера в магазине. Наташка сама себе хозяйка. А Насте ничего нельзя! Как-то собралась покрасить волосы, дома случился скандал. Вообще-то волосы у Насти светлые, их можно назвать и светло-русыми, и пепельными при определенном освещении или цвета светлого ореха. Но в душе Настя – блондинка! Ну, ничего! Не за горами тот день, когда она станет блондинкой на деле. Не за горами долгожданная свобода. Первое, что она сделает, став студенткой, – покрасит волосы. В цвет «Блонд». И тогда она станет блондинкой с голубыми глазами. Ведь когда она надевает голубой свитер или хотя бы шарфик, то ее серые глаза кажутся голубыми. Нет, не кажутся. Становятся. Да, именно – становятся голу-

быми. В своих мечтах Настя уносится далеко и видит себя бесстрашной журналисткой-международницей, как Джулия из того сериала. Пусть родители строят планы, что их дочь окончит филфак и вернется преподавать в родную школу. Как бы не так. Филфак так филфак, но дальше...

Дальше у Насти свои планы. И уж она позаботится, чтобы ничто не помешало их осуществлению.

– Мам, я погуляю?

Настя кроткими глазами смотрит на мать. Мать поджала губы. Ух, не любит она все эти «погулять»!

– Чтобы в девять была дома! Не забывай, что завтра тебе рано вставать!

– Да разве с вами забудешь, – это себе под нос, чтобы слышала одна Наташка. И мышкой – шмыг за дверь. Пока не передумали.

– Одна поедешь? – уточнила Наташка и достала семечки.

– Одна. Одна! Совсем одна! Представляешь?!

Оказавшись на улице, Настя перестала сдерживать себя. Запрыгала, закружилась и запела на все лады: свобода, свобода, свобода!

– Ой, Аська! – У Наташи заблестели глаза. – Никто тебе не скажет: «Чтобы в девять была дома!»

– Вот именно, – подхватила Настя. – Никто не станет допытываться, где ты была и с кем. Обнюхивать одежду, как это делал мой папа. Проверять карманы!

На это Наташа тактично промолчала. Да, нелегко быть до-

черью учителей, она это хорошо знает из опыта своей подружки. Той приходится выдерживать такой прессинг! На дискотеку не пускают, гулять – только до девяти, никаких вечеринок... К концу одиннадцатого класса Аська дошла до предела. Трудненько ей давалось играть в послушную умницу. Не взорваться, не устроить бунт!

– Так! Натка! Мы идем к тебе, по срочному делу! – быстро застрочила Настя, отвернувшись от дороги и глядя куда-то мимо подружки. В конце улицы, состоящей сплошь из частных деревянных домишек, появился Ромка. Он, конечно же, заметил их и устремился навстречу. Нежелание Аски общаться со своим парнем было для Наташи новостью.

– Вы поругались?

– Не-ет, – пропела Настя, улыбаясь. Чтобы Ромка, который был уже близко, не дай Бог, не подумал, что речь идет о нем.

Ромка приблизился, и Настя вполне органично изобразила удивление:

– Ой, Рома! Ты куда? А мы вот к Наташе за учебниками.

– А я к тебе...

– Ко мне? Как жаль, что ничего не получится. Мне просто необходимо сейчас к Наташе. Приходи завтра.

– А когда ты уезжаешь?

– Пока неясно. Ну, завтра увидимся. Пока.

И потащила обалдевшую подружку в сторону дороги.

– Ты чего это, Ась? Ты же завтра уезжаешь! Когда это вы

успеете встретиться? – Наташа вытаращила глаза на подружку. – Или он тебе надоел?

– Мне все надоело, Натка, понимаешь? Все! Этот поселок, где все друг друга знают. Где одни знакомые кругом и где каждый мой шаг докладывается родителям! Ах, ваша Настя носит короткую юбку! Ах, она не поздоровалась! Ах, мне кажется, она курила! А мама и рада: то нельзя, это нельзя! А папа, так тот готов меня на цепь посадить!

– Но с Ромкой-то встречаться они тебе разрешали!

– Дружить, – поправила Настя. – Вот поэтому я и не хочу его больше видеть. Они разрешали, потому что он весь такой правильный. Отличник. Вежливый. Надоело!

Подруги проторчали остаток вечера на лавочке у Наташиного дома. Они смеялись, строили планы, мечтали. Но Наташе показалось, что у Насти так и не прошло некоторое напряжение. Наверное, она не успокоится, пока поезд не увезет ее в этот большой, чужой, неведомый мир...

...Поезд остановился. Проводница неторопливо открыла дверь. Прохладный утренний воздух окутал Настю и заставил поежиться. Она вытащила свою спортивную сумку на перрон. Толпа хлынула к подземному переходу и потащила за собой Настю. Настя двигалась, подчиняясь чужой скорости, стараясь защитить себя локтями от напора чужих тел. Ее вынесло на площадь, и, только оказавшись здесь, она увидела сам вокзал, огромной летающей тарелкой сверкающий посреди людской суеты.

– Ничего себе, – вырвалось у Насти.

По спине пробежали мурашки. Весь из синего стекла, он хвастливо сиял своей нерусской архитектурой – новый, вычурный, современный. На какой-то миг вокзал вызвал у Насти в голове сравнение с полетом на Марс. Она почувствовала себя пришелицей. Ну да, ведь она ступила на незнакомую землю, как на другую планету! Впрочем, стоять и глазеть было некогда. Настя двинулась вслед за толпой, уже разделившейся на пассажиров такси и тех, кто спешил к трамваям. Настя присоединилась к последним, и, хотя внутри у нее все пело и подпрыгивало от волнения и предчувствий, она все же успевала глазеть по сторонам. Ей предстояло пройти сквозь шеренгу киосков. Жизнь вокруг кишела предприимчивой деятельностью.

– Красавица, позолоти ручку, всю правду открою.

– Помогите, граждане, кто чем может, потеряли документы...

– Девушка, выньте для меня счастливый билетик...

Настя уверенно проходила мимо, бесцеремонно отстраняя попрошайек. Насчет этого явления она инструктаж прошла. Отец по полочкам все разложил. Ни с кем она не собирается делиться тем немногим, что собрали для нее родители-учителя. И так придется совать взятку репетиторше, чтобы попасть в универ на бюджетной основе.

Взятка пришита к бридгам суровыми нитками.

Настя уже увидела трамвайную остановку, ползущие ту-

да-сюда трамваи, яркие, как аппликации на детской одежде, когда услышала краем уха чье-то жалобное:

– Ну отдайте сумку... Ну пожалуйста...

Голос был девчачий, жалобный. В нем слышались вполне искренние, не наигранные слезы. Настя обернулась и в минуту безошибочно оценила ситуацию: лохотронщики!

Два здоровенных амбала и девица с голым пупком стояли напротив девчонки, стриженной под мальчика, Настинной ровесницы. У парня, что стоял ближе к стене, в ногах была зажата спортивная сумка, такая же, как у Насти, только зеленая. Девица с пупком ловила лохов, предлагая вытянуть для нее счастливый билетик, а второй амбал молча отодвигал от себя плачущую девчонку. Все ясно. Эта троица вытянула из девчонки деньги, а потом объявила, что та – должница, и отняла сумку. Ясно ведь, что девочка – приезжая, маме жаловаться не побежит. Вид у жертвы был удручающий. Настя живо представила себя на месте несчастной. Приехать в чужой город и так вляпаться! А в сумке небось все деньги. И документы.

Настя огляделась. Народ равнодушно сновал мимо, а если кто и смотрел в сторону лохотронщиков, то с некоторой безразличностью и спешил обойти.

В Насте что-то поднялось и застучало в середине груди – тяжело и часто. В какую-то долю секунды она приняла решение. Придвинулась к стене, на которой очень кстати было вывешено объявление о приеме на работу. Амбал на нее и

внимания не обратил. Сделав вид, что углубилась в чтение, она вдруг наклонилась, с силой дернула на себя чужую сумку, и...

– Бежим! – крикнула она, задев взглядом девчонку. Метнулась в сторону дороги. Они нырнули в поток машин. Не чуя под собой ног, оглушаемые визгом тормозов, подгоняемые угрожающими гудками, они летели и не оглядывались. Амбалы сообразили, в чем дело, когда девчонки уже лавировали в потоке машин.

Свист, крики только подгоняли девчонок. Настины ноги действовали сами по себе. Она краем глаза отметила, как светофор мигнул и сменил цвет. Ругань водителей подстегнула ее.

– Он догоняет нас! – услышала она за спиной голос девчонки. И, не оглядываясь, резко рванула в сторону – за киоски, кусты, мусорные баки. Они пересекли уличный базар и оказались во дворе детсада.

Амбал здорово отстал от них, но все еще нырял меж палаток – с разъяренным лицом.

– Догоняет! – взвизгнула девчонка.

Настя рванула через детскую площадку, туда, где вдоль забора торчали разросшиеся нестриженные кусты. Подгоняемая ужасом погони, девчонка сзади налетела на Настю, наступила на шнурок ее кроссовки. Настя, чертыхаясь, полетела прямо в кусты, не в силах удержать равновесие. Чувствуя, как ветки вонзаются в бока, на лету ухватилась за то, что

оказалось ближе, – за свою попутчицу. Та, охнув, уронила на Настю свою сумку и следом полетела сама. Щелк – густые кусты сомкнулись над ними, захлопнув ловушку. Они оказались внутри. Топот тяжелых ботсов и ругань слышались снаружи, казалось, над самой головой. Настя, плотно прижатая к земле, припертая тяжестью сумки и буквально впрессованная в землю своей горе-подругой, хлопала ресницами, не в силах даже дышать.

– Слезь. Ты сломаешь меня, – из последних сил прошипела Настя.

Девчонка попыталась сделать то, о чем просят, – подняла обтянутую джинсами попу и тут же застыла. Настя сделала ей «страшные» глаза – где-то слева от них послышались голоса. Лохотронщик интересовался у прохожего, не пробежали ли здесь две телки. В другое время Настя не пропустила бы безнаказанно эти «две телки». Но сейчас она молилась, чтобы прохожий указал неверное место дислокации «телок». А амбал отправился бы в заданном направлении. Все тело затекло. Корни старых растений безжалостно впивались ей в спину, сумка давила, а новая подруга оказалась довольно тяжелой и угловатой. Настя взглянула той в лицо. Прямо на Настю тарачился светло-карий глаз. Через всю румяную щеку ползла свежая царапина. Картину завершал перепачканный в грязи подбородок. Настя не удержалась и прыснула. Девчонка сделала большие глаза до размеров грецких орехов и зажала Насте рот рукой. Над их головами протопали тя-

желые шаги. Сейчас преследователь обшарит все грибки-теремки и примется за кусты. Тогда...

Настя попыталась повернуться.

Не получилось.

– Ну-ка, посмотри, что там, за забором.

Напарница сунула нос в просвет между ветками.

– Дорога, тротуар. Какое-то здание.

– Магазин?

– Не похоже. Какое-то необычное здание. На крыше – фигуры животных.

– Музей? – предположила Настя. – Ну, что бы там ни было, сейчас проползаем к забору и бежим туда. Отступать некуда.

Кряхтя и сопя, девчонки продрались сквозь кусты, протиснулись сквозь прутья забора. Через дорогу стояло заковыристое по архитектуре здание. В огромных стеклянных витринах размещались фотографии. Открылась дверь, из здания вышел интеллигентный с виду парень.

– Бежим скорее! – Настя уцепила свою спутницу за руку, и девчонки что есть духу сиганули через дорогу. Толкнули дверь и очутились в полутемном фойе. Помещение было занавешено малиновым плюшем, а две выступающие колонны сплошь – афишами. Не долго думая Настя толкнула стеклянную дверь и прошла дальше. Подруга – за ней. Не успели оглядеться – семенит бабуля в синей униформе.

– Что же вы опаздываете, ласточки? Там уж началось.

Настя пожала плечами, пряча за спиной свою сумку.

– Транспорт, – нашлась ее спутница.

– Ну-ну... – Бабуля двинулась мимо них к фойе. – Пойду запру. Пусть через служебный ход идут кто опоздавший. А то натопчут...

Девчонки переглянулись. Видок у обеих был как в зоне боевых действий.

– Тебя как зовут?

– Настя. А тебя?

– Александра. Саша. Спасибо тебе.

Настя только рукой махнула. Они двинулись в направлении приоткрытой двери.

Заглянули. Внутри находился зрительный зал. И сцена. В зале в первых рядах сидели люди. Настя пригляделась – молодежь. Ровесники. На сцене парень читал стихи.

Девчонки пробрались меж рядов и сели на бархатные кресла.

– Ты местная? – прошептала Саша, придвинув свое лицо к Настиному.

Та покачала головой.

– Поступать приехала. А ты?

– Я тоже только сегодня приехала. И вот – сразу влипла. И тебя втянула. Извини. Если бы не ты, я не знаю, что со мной было бы.

– Они у тебя все деньги выцыганили?

– Почти. В сумке немного осталось.

Саша полезла в сумку, посмотреть, целы ли деньги.

Парень закончил читать. К сцене подошла видная дама, красиво одетая, и стала вполголоса делать замечания. Парень ее внимательно слушал и кивал. Потом дама зачитала несколько строк из того же стихотворения. Теперь они звучали иначе.

– Как ты думаешь, куда это нас занесло?

– Прослушивание какое-то. Кастинг.

Вдруг дама обернулась и пристально взглянула на девочку. У нее оказались очень выразительные глаза. Настя толкнула Сашу в бок.

– Эй! Кумушки на галерке! Мало того что опоздали, так теперь позволяете себе пустую болтовню! Ну-ка, идите сюда!

– Это нам? – опешила Настя.

– Ну а кому же?

Настя и Саша дружно поднялись и безропотно стали пробираться к сцене.

– Пожалуйста на сцену.

Дама взглянула на Сашу и повела бровью.

– Я? – Саша распахнула глаза и начала мучительно краснеть.

Все уставились на них и стали перешептываться. Настя увидела, что вдобавок к живописно расцарапанной физиономии ее подруга умудрилась порвать футболку. Это никуда не годится.

– А можно я? – выступила она вперед.

Дама улыбнулась:

– Конечно.

Аудитория развеселилась. Дело в том, что Настя не могла видеть себя со стороны, а видок ее не уступал Сашиному. Впрочем, ухмылки аудитории ее не смутили.

– Называйте автора и начинайте, – подбодрила ее дама. Насте она понравилась. В даме присутствовало что-то аристократическое, и в то же время она выглядела доброжелательной.

Настя помнила все стихи по школьной программе. Мама-филолог строго за этим следила. Впрочем, Настя и сама любила читать стихи.

– «Мцыри», – объявила она. – Лермонтов.

Дама кивнула.

Настя начала. Ее всегда волновала история юного послушника. Его протест, его побег. Его встреча с барсом. Она ясно представляла природу, видела камешки сквозь прозрачную ледяную воду горной речки. Ритм лермонтовской строки увлекал ее, заражал своей напряженностью. Вместе с Мцыри она вновь переживала нерв недавней погони. Когда она закончила, в зале уже никто не перешептывался, дама смотрела на Настю с теплом. Настя спустилась со сцены.

– Все хорошо. Ты чувствуешь автора. Но почему мужской отрывок?

Настя пожалала плечами. Она нашла глазами Сашу. Та показывала ей большой палец.

– Поменяй. Возьми или Джульетту, или Катерину. Договорились?

Настя снова пожала плечами и с видом победительницы вернулась на место.

– У меня мурашки по спине, как ты читала! – с восхищением зашептала Саша.

– Да ну, ерунда. Я люблю выступать.

Целый час девчонки просидели в театре. Им пришлось прослушать массу отрывков из прозы, стихов, басен и песен. Время шло.

Преследователю наверняка надоело шататься в поисках беглянок. Скорее всего он вернулся на вокзал.

Когда консультация закончилась, народ двинулся в сторону фойе. Дама поманила Настю к себе. Девочки остановились.

– Вас нет в списках. Документы не успели подать?

– Я только сегодня приехала.

– Что ж, время еще есть, прием до пятнадцатого.

И протянула Насте листок с отпечатанным текстом. Листок оказался условиями приема. Настя сунула его в карман.

– Ты сейчас куда?

Девочки стояли под козырьком театрального подъезда. На улице лил дождь. Асфальт очень быстро заполонили лужи. Одна мысль ступить в эту мокрую карусель вызывала дрожь. Брр!..

– Не знаю, – отозвалась Саша.

– То есть как это так? – вытаращилась на нее Настя. – Ты приехала в незнакомый город и не знаешь – куда? Ну ты даешь!

– Ну, мне нужно найти одного человека.

– А адрес есть?

– Есть несколько адресов. Только они старые. Не знаю, живет ли там кто сейчас.

Если бы Настя умела свистеть, она присвистнула бы. Быть такой шляпой! Да эта девчонка с видом обиженного воробья просто пропадет одна. Настя не может ее бросить.

– Ну вот что, у меня тут полно адресов. – Она похлопала себя по карману курточки. – У моих предков тут масса знакомых. Одна тетечка работает комендантом общежития. Туда мы и отправимся прежде всего. Догоняешь? Скажем, что мы вместе поступать приехали.

Саша с восхищением смотрела на свою новую подругу. Они взялись за руки и нырнули в дождь.

## Глава 3

Настя впрыгнула в автобус, потому что ей понравился цвет. Автобус был оранжевый, и по бокам красовались две салатные полосы с рекламой. Усевшись у окна, она сначала глазела по сторонам и рассматривала витрины, мимо которых проезжал автобус. Она загадала, что сегодня целый день будет слушать свое внутреннее «я». И не станет заглядывать в записи, приготовленные отцом. Итак, ее внутреннее «я» выбрало прикольный оранжевый автобус. То, что она не успела рассмотреть номер маршрута, ее ничуть не смутило. Проехав пять остановок и не наблюдая и не найдя ожидаемых ориентиров, она забеспокоилась: где выходить? Повертела головой и остановила свой взгляд на молодом человеке. Парень показался ей до того милым и симпатичным, что внутреннее «я» с готовностью откликнулось на призыв. «Прыгай за ним!» – скомандовало «я», Настя вскочила и стала пробиваться к выходу следом за парнем. Парень выглядел просто супер. Его темные волосы сверху были выкрашены в красный цвет. Поверх алой майки сверкала металлическими клепками черная кожаная жилетка. Настя шла позади парня и наблюдала его бледную щеку и голые локти. И кожаные браслеты на запястьях. Так она дошагала до перекрестка, где парень совершенно неожиданно перебежал на красный свет и прыгнул в маршрутку.

Настя открыла рот и поперхнулась разочарованием. Приключение, начавшееся так неожиданно, иссякло, как проколотый воздушный шарик. Пришлось вернуться на остановку, дождаться оранжевого автобуса и ехать в исходную точку. Там она достала ненавистный блокнот-указатель и изучила номера требуемых автобусов. Примерно через час она стояла перед новой шестнадцатипятиэтажкой и пялилась в отцовы записи. Внутренний голос обиженно молчал. К нему больше не прислушивались – подвел. Почерк отца заставил Настю несколько сбавить пыл в поисках приключений. Валерий Иванович подробно расписал план местообитания репетиторши и приложил инструкции, которые Насте необходимо было соблюсти. Уф! Кажется, ничего не забыла. Цветы купила, конфеты тоже. Настя сделала глубокий вдох и набрала номер квартиры на домофоне. Ей открыла молодая женщина. Настя, сбитая с толку, кажется, забыла поздороваться. Репетиторша представлялась ей никак не моложе мамы. В серой юбке и очках. А тут – совсем девушка. В бриджах и топике. А на лице выражение ведущей программы «Слабое звено». Скользнула по Насте взглядом без особого интереса, равнодушно, как само собой разумеющееся, приняла конфеты и, не глядя, сунула их на стиральную машину «Бош». Сколько лет мама мечтает о такой машине! Отец, хоть и директор, так и не смог сделать маме такой подарок.

– Проходи, – бросила репетиторша и ушла на кухню. Настя вошла в комнату. Ну и ну! Однокомнатная квартирка

молодой женщины просто конфетка! Евроремонт, мебель от «Икеа». Настя такую в журнале видела. Все в квартире репетиторши было словно из журнала – ни одной лишней детали. Никакого старья. Мягкая мебель – новая, музыкальная техника – новейшая. А уж бытовая...

Настя босиком прошла по ковру с геометрическим рисунком, села на краешек дивана.

– Приходить ко мне будешь через день, к десяти часам, – не глядя на Настю, распорядилась репетиторша. – И не опаздывать. У меня таких, как ты, еще десять человек.

Настя сглотнула.

Репетиторша включила компьютер, поколдовала над ним, забыв о госте.

Застрекотал принтер. Через некоторое время он выплюнул несколько напечатанных листков.

– Это список литературы, которую ты должна изучить.

Настя приняла листки и прижала их к животу. От репетиторши она возвращалась подавленная. Полчаса в транспорте не привели ее в чувство.

– Ты что, не знаешь, где достать эти книги? Или боишься, что не успеешь все прочитать? – допытывалась Саша в поисках причины Настиной внезапной смены настроения.

– Книги вовсе ни при чем.

Настя сидела на своей койке и смотрела куда-то мимо подруги.

– Вот, думаю я себе, Сашка: она молодая, одинокая жен-

щина. Работает преподавом, как и мои. А живет так, как мои родичи никогда не будут жить, даже если оба из кожи выпрыгнут! Въезжаешь?

– Ну, здесь большой город. И она репетиторством занимается.

– Каким там репетиторством! Репетиторство – это только прикрытие. Она в приемной комиссии. Она взятки берет за поступление. Позанимается она со мной для вида неделю-другую, и я отдам ей конверт. В конверт этот мои предки собирали деньги два года. Обучать меня на платном они не потянут, а на взятку наскребли. Догоняешь?

– А если своими силами поступать?

– Конкурс. У меня аттестат плохой. Даже тройки есть. По точным, я в них не шарю. Да и по гуманитарным не старалась. Родители на эту даму через знакомых вышли. Я ходила по поселку нос задравши, типа – я уже поступила. Прикинь. Ну и идиотка же я!

Настя ударила кулаком подушку и отвернулась к стене.

– Нет, а ты-то при чем? – возразила Саша. – Преподаватели тоже жить хотят. У них зарплаты маленькие.

– При чем, при чем! При том, что не училась как следует! А могла бы! Думаешь, мне трудно было химию на четверку вытянуть или алгебру? Гулять хотелось. А когда гулять не пускали, я назло уроки не учила. Хотела предкам доказать, что они не боги. И компании нашей, что я – не маменькина дочка.

– Родители на то и даются, чтобы думать о ребенке. Заботиться. Ты у них одна, – продолжала возражать Саша. – Вот у меня нет никого, так я и не пробую поступать. А о тебе есть кому позаботиться, и радуйся.

– Ой, Санька! Извини! – Настя повернулась к подруге. – Я у тебя даже не спросила, как дела. Нет, правда, ты куда-нибудь ездила?

– Ездила. – Саша выключила утюг. – На фабрику ездила. У них архив сторел, ничего не сохранилось. Остался еще один адрес, я его в бабушкиных письмах нашла. Это адрес маминых знакомых. Только там еще не была.

– Хочешь, вместе поедем?

– Нет-нет! – поспешно отказалась Саша. – Я сама. Тебе читать столько!

Саша на самом деле не хотела, чтобы кто бы то ни было сопровождал ее. Она хотела добраться до истины в одиночку. Чтобы при встрече с матерью не было свидетелей. Боялась? Просто не хотела, и все тут. Поэтому на следующий день отправилась по последнему имеющемуся у нее адресу одна. Старый дом с огромными окнами встретил ее неприступным обшарпанным фасадом. Даже в такую жару внутри подъезда оказалось сумрачно и холодно. Дверь открыла женщина возраста Сашиной бабушки – сухонькая, маленькая. Лицо ее выражало недоверие. И разглядывала она Сашу совершенно бесцеремонно. Следом за бабушкой в коридор приковыляла борзая собака и тоже вопросительно уста-

вилась на Сашу. Саша принялась сбивчиво объяснять цель своего прихода.

– Не знаю про нее ничего и знать не хочу! – отрезала старуха, повернулась и пошла в комнату, оставив Сашу наедине с борзой. Собака подошла и подставила гостье свою морду, явно ожидая ласки. Саша не поняла собаку. Она не поняла и старуху, поэтому так, с лета, ее старухой и окрестила. Свою бабушку она никогда бы не назвала так. Саша потопталась в прихожей и сделала шаг в сторону комнаты.

– Вы понимаете, я издалека приехала. У меня здесь нет никого.

– А мне-то что? Твоя беспутная мать когда-то пела мне то же самое! Хватит! Пожалели одну!

– Мам! Кто там?

Откуда-то из глубины квартиры донесся еще один голос, посочнее, помоложе.

– Иди-ка полюбуйся! – не без злорадного удовольствия откликнулась старуха. – Дочка заявила Лидкина. У ней, оказывается, дочь имеется!

Саша услышала тяжелые шаги, сопровождаемые шарканьем тапочек. Перед Сашей предстала грузная женщина средних лет. Своей фигурой она загородила проход. В темной прихожей стало еще меньше света. Высокие потолки делали узкую прихожую неуютной. Саше захотелось скорее уйти. Но она не могла себе этого позволить.

– А мы-то откуда можем знать, где она? – обращаясь не то

к старухе, не то к девушке, басом изрекла грузная.

– Но ведь она к вам обращалась, может, вы знаете...

– Обращалась! Мы как люди приютили ее, вдовушку. Она ведь мужа потеряла, вся в слезах к нам пришла.

– Да, мой отец погиб на границе.

– Думали, она человек. А она моего брата окрутила. Околдовала...

– И жизнь ему испортила! – закончила за нее старуха, которую не видно было из-за плеча дочери. – Присушила парня!

– Мы ее и знать-то не хотим!

– И зря ты ее здесь ищешь... Ноги ее уже много лет тут не бывает! Да кто ее и на порог-то теперь здесь пустит?!

– Но... ваш брат... Можно мне с ним встретиться?

– Еще чего! – Старуха таки протиснулась между дочерью и стеной в коридор. – И не думай! Вот уж этого я не допущу! Мало мать твоя из него кровушки попила?

Старуха стала напирать на Сашу. Собака интеллигентно подвинулась, а бабка неинтеллигентно наступила Саше на ногу и потянулась мимо – к двери, явно намереваясь вытолкать гостью взащей. Саша, красная и злая, вылетела на лестничную клетку и от бессилия ударила кулаком по перилам. Перила неожиданно громко огласили лестничный пролет гулом и дребезжанием. Саша сошла на нижний этаж и опустилась на ступеньки.

– Гады! Сволочи! – ругалась непонятно на кого. Скорее

всего – на весь мир взрослых, так тщательно стерегущий правду.

Никто не хочет сказать ей правду! Саша чувствовала себя теннисным мячиком, который ракеткой отбрасывают игроки прочь друг от друга. От жалости к себе она заплакала. Плакать Саша не любила и поэтому предавалась этому занятию со злостью, громко всхлипывая и размазывая слезы по щекам. Легкие шаги внизу заставили ее съежиться. Еще не хватало, чтобы кто-то увидел ее ревушей. Она зло шмыгнула носом и стала вытирать щеки подолом футболки. И все же краем зареванного глаза она заметила, что по лестнице вверх поднимается мужчина. Или парень. Возраст она сначала не сумела определить. Он остановился над Сашей. Она стала лихорадочно подбирать какое-нибудь подходящее слово, чтобы пресечь чужое участие. Искала и не находила. У парня были длинные волосы до плеч и борода. Вернее, подобие бородки, ее контурное обозначение. Он стоял и озадаченно смотрел на нее.

– Нельзя сидеть в жару на холодных ступеньках, – произнес он очевидное.

– Вы что, врач?

– Нет, я – художник, – улыбнулся мужчина, и Саша подумала: «Нет, не мужчина. Парень».

Улыбка обнажила его молодость. Саша поднялась. Парень был худой и высокий. Не настолько высокий, чтобы казаться долговязым, но выше Саши настолько, что она смотрела на

него снизу вверх.

Саша поплелась вниз.

– Пойдите! – как-то даже испуганно вскрикнул парень.

Саша вздрогнула от его окрика и обернулась.

– Посмотрите на меня, – спокойно произнес он тоном, не терпящим возражений, и Саша невольно подчинилась. Она увидела, что глаза у парня серые и волосы каштановые. Она попыталась мысленно «причесать» его.

Саша еще не знала, что большинство художников предпочитают длинные волосы, бородку, широкую одежду. Она не знала, и поэтому художник показался ей слишком странным. Каким-то чужеродным. И она инстинктивно отгородилась от него.

Парень спустился на одну ступеньку, протянул руку и хозйски поправил что-то в Сашиной прическе. Саша дернула головой. Она не понимала, почему, собственно, все еще стоит в этом мрачном подъезде, похожем на склеп, и общается с этим ненормальным.

– Я должен вас нарисовать.

– Еще чего не хватало!

– Нет, вы не понимаете, – нервно заговорил парень, спускаясь вслед за Сашей. – У вас в лице есть что-то неуловимое. Этот взгляд... Эти губы... Вы мне не верите?

Саша поспешно спускалась вниз. Знаем мы этих художников. Сначала – приди в мастерскую, потом – разденься... Надо скорее выйти на свет.

– Да не бойтесь вы меня!

Но Саша уже не слушала его, хлопнула дверью, вылетела на свет и торопливо пошла через двор. Она почти дошла до остановки, когда увидела художника, торопливо шагающего следом за ней. Заметив, что девушка почти у цели, он припустился бежать. Саше захотелось сделать то же самое, но воспоминание о погоне, когда они удирали от лохотронщиков, остановило ее. Тогда они были вдвоем. А сейчас она одна. В незнакомом городе. Уж лучше стоять на остановке, где люди.

Художник остановился перед Сашей, сотрясая в воздухе какой-то бумажкой. Лицо его выражало почти мучение. Больной, что ли? «Явно ненормальный», – второй раз мелькнуло в голове у Саши.

– Это ваше? – наконец выдавил парень.

Он протянул Саше бумажку. Это была открытка с адресом, по которому Саша только что обращалась.

– Да, мое.

– Откуда она у вас? – Глаза у парня лихорадочно блестели. – Как она к вам попала?

Саша попятилась. Ей до сих пор не приходилось общаться с психами.

– А вам-то какое дело?

– Это почерк Лики. Кто вы? Почему вы...

– Лики? – переспросила Саша. – Вы знаете мою мать?

Теперь уже она вцепилась в парня глазами. Они стояли и таращились друг на друга.

– Вашу мать? – запоздало переспросил парень. Похоже, он прислушивался к звукам собственного голоса как к чужим. И, словно сбросив с Саши покрывало, он вдруг окинул ее взглядом. Саше стало жарко. Она покрылась потом. В голове стал всплывать разговор между ней и женщинами в квартире. Внезапно ее осенила догадка.

– Вы... вы знаете, где она? – Саша вцепилась в руки художника, повисшие плетьюми.

Он молчал.

– Что же вы молчите?! – заорала она, испугавшись вдруг, что и этот, как и все остальные, не захочет сказать ей правду. Начнет лгать и изворачиваться. Уж больно он внезапно замолчал – словно его отключили от питания. Она пыталась добиться ответа, а он смотрел на нее, как на инопланетянку.

– Теперь я понял, кого вы мне напоминаете, – потрясенно заговорил длинноволосый. – Лику! Ну конечно же. У вас губы Ликины. У вас ее верхняя губа.

Художник протянул руку и совершенно бесцеремонно потрогал Сашину верхнюю губу. Как если бы Саша была вылеплена из гипса, а он был скульптором. Саша уже поняла, что художник – того. Ее это раздражало, но оказалось не самым важным. Важнее, гораздо важнее, что он знал ее мать. Он один мог ей сейчас помочь.

– Отвезите меня к ней, – взмолилась Саша, боясь, что художник повернется к ней спиной и как сомнамбула двинется прочь. Было похоже на то. – Вы знаете, наверняка знаете, где

она живет! Ну что же вы стоите, как...

Художник избавил девушку от сравнений.

– Да, конечно. – Он взял ее за руку и потянул за собой в подъехавший автобус. В автобусе их растащило в разные стороны, и всю дорогу Саша беспокойно искала глазами его патлатую голову. Художник смотрел в окно, но Саша заметила, что его взгляд был устремлен как бы сквозь скользящие картины. Саша не переставала нервничать. И хорошо, что она не теряла бдительности. Вдруг, забыв о ней, он стал пробираться к выходу. Не махнул ей, не взглянул даже в ее сторону. Псих. Она поспешно принялась протискиваться следом. Едва успела выпрыгнуть. Догнала его и дернула за руку. Она собиралась сказать что-нибудь резкое, но художник обратил на нее свой взгляд, и этот взгляд остановил ее.

– Она замужем? У нее есть дети? – допытывалась Саша, когда они шагали через дворы среди кирпичных пятиэтажек. Художник молчал. Похоже, решал в уме какую-то сложную задачку и на время забыл о Саше. Или она ему мешала. Ей осталось только торопливо семенить следом. Безуспешно гадая, чем это все кончится. Наконец он остановился. Сел на лавочку.

– Вот подъезд. Квартира сорок два.

– А вы разве со мной не подниметесь?

В последнюю минуту Саша вдруг оробела. Ей показалось – будет лучше, стой кто-нибудь у нее за спиной. Пусть бы кто-нибудь представил ее матери: вот, мол, Лика, это твоя

дочь Саша. Познакомьтесь.

– Мне туда нельзя. Я вас здесь подожду.

Саша с детства была приучена не задавать лишних вопросов. Она вздохнула и пошла в сторону подъезда. И там у нее стало больно сжиматься нутро. Когда поднялась на одну площадку, то поняла, что трусит. И хочет убежать самым постыдным образом. И все же заставила себя нажать на кнопку звонка.

Она позвонила пару раз, прежде чем кто-то приблизился к двери.

Открыла женщина, которая даже с большой натяжкой не подходила на роль Лики Ольшанской. Женщина была выше Саши ростом, а мать, по всему выходило, должна быть маленькой. И эти крашенные, пережженные перекисью волосы... Нет, не могла эта женщина быть Сашиней матерью.

– Здравствуйте, – все же выдавила из себя Саша.

– Девушка, – заговорила женщина громким шепотом. – Если вы с рекламой, то...

– Нет. Мне нужна хозяйка квартиры. Лика Ольшанская, – протараторила Саша. – То есть не Ольшанская. Смирнова. Она по мужу – Смирнова.

Она все еще вглядывалась в лицо незнакомой женщины. А та, в свою очередь, разглядывала Сашу.

– А кто вы ей? – спросила женщина недоверчиво.

– Дочь.

Саша сглотнула. Главное было сказано. Женщина охну-

ла и прикрыла рот рукой. Саша много раз по телевизору, в фильмах, видела этот жест. И он ей очень не понравился. Жест внезапного открытия, горького удивления. Но никогда этот жест, чужой и затертый, не отзывался в ее душе так явно. У Саши перехватило дыхание и подкосились колени.

Женщина втащила ее в коридор.

– Нина, кто там? – донеслось из комнаты.

– Сейчас, Лика. Я сейчас, – отозвалась женщина, не отрывая глаз от Саши. И повторила шепотом, уже только для нее: – Сейчас. Ты постой здесь, я тебя позову.

И женщина засеменила в комнату и прикрыла за собой дверь. А Саша осталась одна в бесприютном коридоре. Коридор – визитная карточка квартиры. Если коридор неуютный, облезлый и неухоженный, то уж нечего ожидать от комнаты и кухни. Саша сразу представила всю квартиру. Сердце сжалось не то от страха, не то от жалости. Она не могла больше стоять и ждать. Слишком долгим оказалось в ее жизни это ожидание. Прошла по узкому коридору с лопухами отставших отвислых обоев и толкнула дверь в комнату. Прямо перед ней оказался разобранный диван со смятой постелью, на которой кто-то лежал.

Женщина, открывшая Саше дверь, приподнимала лежавшему подушки. И вдруг откуда-то из-под мышек поправлявшей вынырнула маленькая, как сначала показалось Саше – детская, голова. И, вынырнув, нацелилась на Сашу испуганным взглядом.

Саша никак не могла сопоставить эту маленькую, коротко стриженную головку с образом своей красавицы матери. Но догадка уже обожгла – это и есть она, Лика. Губы что-то шептали, а тоненькие пальцы перебирали бязь пододеяльника.

– Я только что ей укол сделала, – пояснила женщина Саше потихоньку, будто сама хозяйка могла не услышать этого. И громко, уже для больной, объявила: – Ну вот, Ликуша. А ты говорила – одна да одна. Дочка к тебе приехала. Смотри, какая красавица. Невеста уж совсем! – И, зажав рот кулаком, быстро вышла из комнаты.

Саша осталась наедине с матерью.

## Глава 4

В мастерской Ильи пахло бензином. Он объяснил, что так пахнет краска для работы по шелку. Он выполнял специальный заказ. Комната без мебели тем не менее не казалась неудобной. Ее заполняли рамы, холсты, мольберты. Пока Саша осматривалась, художник расчищал пространство для нее. Что-то унес за занавеску, притащил табуретку.

– Подожди минуточку, я сейчас.

Саша впервые в жизни была в мастерской художника. Здесь царил беспорядок, но это был необычный беспорядок. От нагромождения художественных предметов комната не становилась неприютной. Напротив, все в ней было наполнено необъяснимой живой притягательностью.

– Вот.

Саша повернулась на голос. Прямо на нее с портрета смотрели огромные глаза ее матери. Лица Ольшанская была нарисована по пояс. Она стояла у окна, за стеклами которого лил дождь.

Женщина, находящаяся в глубине, за пеленой дождя и за стеклом, выглядела пронзительно грустной – ее глаза блестели как от слез, хотя понятно было, что виной всему дождь.

Художник ждал, вероятно, Сашиной реакции – реакции не было.

Саша не знала, что сказать. Что говорят в таких случаях?

Похоже? Не похоже?

– Картина называется «Пленница дождя», – пояснил художник.

Саша молчала. В душе она согласилась, что название красивое. И очень точное. Женщина не может никуда выйти, она в плену у этой воды. Особенно если она не любит дождь. А то, что дождь ей не по душе, говорили ее глаза. Большие грустные глаза.

На другой картине мать была изображена в лесу. Снова дождь. Но уже грибной, солнечный. Здесь Лика смеется.

– Но почему снова дождь?

– Я люблю дождь. А Лика почему-то нет. А вы любите дождь?

– Мне все равно, – сухо отрезала Саша.

Ей хотелось сменить тему. Вероятно, художник ждет от нее восхищения, всяческих комплиментов. А у нее другое на уме. Конечно же, мать увлеклась этим парнем. Наверное, нетрудно для женщины увлечься молодым талантливым человеком и уйти в это увлечение с головой. Выходит, этот лохматый отнял у нее мать? Та забыла все, забыла мать, дочь. Даже открытки к праздникам не считала нужным посылать. Она позировала художнику, ездила с ним на прогулки и совсем не думала о ней, Саше. А Саша в эти минуты, может быть, бегала к почтовому ящику или изучала материны детские фотографии с тайным замиранием сердца.

От нахлынувшей обиды у Саши сжалось сердце и на гла-

зах появились слезы. Илья заметил эти слезы. И понял их по-своему. Он растроганно взял Сашу за руку.

– Ты такая впечатлительная...

– Да что ты понимаешь! – Саша выдернула руку. – Вдохновение! Любовь! Да пошли вы все со своей любовью! Зачем я только сюда приехала!

Она метнулась к выходу, но по дороге, конечно же, наткалась на холсты и коробки с красками. Было непонятно, что она имеет в виду – свой приезд в этот город, где ее никто не ждал, или же в мастерскую Ильи. Художник в изумлении провожал ее глазами. Наконец она задела локтем мольберт, он рухнул, вслед за ним рассыпались краски, и тогда Саша разревелась.

– Не уходите, Саша. Вы должны мне помочь, – заговорил Илья, глядя, как она, всхлипывая, собирает тюбики с краской в коробку. – Понимаешь... Я люблю твою мать. А она не хочет меня видеть...

«Опять он со своей любовью! – зло думала Саша, запихивая тюбики в коробку. – Как будто Лике сейчас есть дело до чьей-то любви! Неужели он не видит, что она тяжело больна, что ей не до него!» Так думала Саша, но с детства привыкшая скрывать свои мысли, и сейчас держала их при себе. Все клокотало в ней, но она молчала, будто немая.

Илья, решив, что она готова его выслушать, продолжал:

– Я даже не могу передать ей фрукты, купить лекарство. Ее соседка захлопывает дверь перед моим носом.

– Чем же ты провинился? – не скрывая сарказма, поинтересовалась Саша.

– Не знаю. Она ушла без объяснений. Просто приказала мне больше не появляться у нее. Разлюбила...

И он виновато улыбнулся.

– Ну а я-то чем тебе могу помочь? – без особого участия в голосе поинтересовалась Саша.

– Ты ведь дочь. От тебя она примет.

Он поднялся и ушел за занавеску.

– Вот. Много у меня нет, это на первое время. Купи ей что нужно.

Саша молчала. Она не хотела брать деньги у Ильи. Что-то в ее душе противилось этому. Кто знает, что там произошло у матери с этим парнем. Может, он ее предал. Изменил. Или просто до смерти надоел.

С другой стороны, у Саши действительно не было денег. Ну не рассчитывала она застать мать в таком состоянии. К тому же эта неприятность на вокзале. Не получалось, как в мечтах, «увидеть и спросить». После «увидеть и спросить» она, вероятно, смогла бы красиво уйти. И начать новую жизнь. А могла бы остаться. И опять же – начать новую жизнь. Но то, что она увидела, не позволило ей задавать вопросы. Не могла она и уйти. И остаться тоже не могла. Она могла только БЫТЬ ОКОЛО. А для этого нужны деньги. Она молча взяла протянутые ей купюры.

– Только не говори, что это от меня. Ладно? Конечно,

здесь мало. Но я надеюсь на выставку. У меня скоро выставка, тогда, возможно, я продам часть картин. И у меня будут деньги, чтобы организовать ей хорошее лечение. Может быть, нужно будет отправить Лику в санаторий. Теперь вдвоем мы ее вытянем. Правда?

Илья говорил тихо. У него вообще манера говорить была такая – приглушенная. И у Саши создалось впечатление, что он втягивает ее во что-то свое. Захотелось прервать этот полупшепот. И она громко сказала:

– Мне пора идти!

И он покорно поплелся за ней в прихожую. Похоже, он давно не видел Лику. Он просто не представляет, в каком она состоянии. Не подозревает, НАСКОЛЬКО она далека от той Лики, которая на его картинах. Чудовищно далека.

Когда ее тоненькая иссохшая ручка дотронулась до Сашиной, то девочка почувствовала озноб. Ее сотрясала внутренняя дрожь, словно к ней прикоснулась сама смерть. Мать выглядела жалкой, беспомощной, маленькой. Они поменялись ролями.

В общежитии Сашу давно поджидала Настя. По тому, как долго не было подружки, та догадалась, что поиски к чему-то привели. И теперь изнемогала от любопытства.

Хотя слово «изнемогать» плохо подходило к Настиной позе. Она валялась на полу на груде раскрытых брошюр, болтала голыми ногами и ела черешню. В левой руке она держала толстенную книжку с пьесами Горького.

– Ну как? Нашла? Ты так долго, что я подумала...

Настя вскочила. К ноге прилипла брошюра «Лев Толстой как зеркало русской революции». Настя отодрала брошюру и прыгнула на кровать.

– А ты тут с Толстым паришься?

– Да! Достали они меня, эти классики... Ну! Сашка! Не молчи же! Народ жаждет правды! Нашла?!

Саша кивнула. Настя вытаращила глаза.

– Ну? Она обрадовалась тебе? Удивилась? Ну, Сашка, что же ты молчишь, как пленный партизан? Вечно из тебя клещами вытягивать приходится! Колись сейчас же!

– Она не узнала меня. Ей соседка объяснила, кто я. Мы почти не говорили. Она уснула.

– Как – уснула? – опешила Настя.

– Она больна. Соседка перед моим приходом как раз сделала ей укол. Снотворное.

Саша поморщилась. Словами выходило все не так, как было на самом деле. Она не умела передать свое отчаянное состояние, свои чувства в тот момент, когда наконец увидела свою мать. Как что-то в душе воспротивилось это жалкое существо признать матерью, как бесприютная квартира поведала о том, что ее здесь не ждали. Не было никакого даже мизерного намека на то, что здесь ждали ее, Сашу. В своей квартире с бабушкой они то и дело устраивали ремонт, чистили окна. В такие мгновения Саша втайне надеялась, что это как-то связано с предстоящим приездом матери. Просто

бабушка не хочет говорить, что тоже ждет ее. И Саша старалась вовсю. Мать явится, а у нее порядок. Мать может заглянуть в любой ящик, проверить, чем дочь занимается без нее. Заглянет, а там кругом все как надо. И в Сашином альбоме – мамины фотографии. Все аккуратно вставлены под пленку.

Здесь же, в запущенной, словно ничьей квартире Саша, ошарашенная встречей, держала в руках альбом (сунула соседка) и перебирала фотографии. Они были небрежно свалены между страницами – неподписанные, не разобранные по годам. Саша сначала даже с какой-то брезгливостью перебирала чужие снимки. А потом стала искать себя. Ведь должны же иметься у матери хотя бы младенческие Сашины фотографии. Вскоре поиски увенчались успехом. Она нашла знакомую фотографию, где Саша снята в детском саду на фоне аквариума с рыбками. На этом снимке у Саши упрямое и угрюмое выражение лица. Она не любила фотографироваться. Снимок Саша извлекла из-под кучи других, где снята мать с какими-то людьми. Эта деталь снова неприятно царапнула Сашу. Надо же! Мать небрежно свалила ее, Сашу, в кучу с другими, случайными людьми, ничем не выделила ее среди всех. И вероятно, так же редко смотрела этот снимок, как и все остальные.

Саша подняла глаза от альбома на женщину, лежащую сейчас на диване, и поняла, что больше всего хочет уйти отсюда.

Она захлопнула альбом и поднялась.

– Я приду завтра, – пообещала она соседке и поспешно сбежала вниз, во двор, где на лавочке ожидал ее бледный и унылый Илья.

В пересказе же этот эпизод выходил сухим, лишенным красок. Чужим. Но несмотря на это, Настя слушала подругу, открыв рот, готовая в любой момент заплакать или засмеяться. Саше стало неловко за то, что она такой сухарь в сравнении с Настей. Она перевела разговор на Настины занятия.

– О-о... Скукота! – Настя двинула пальцем ноги толстый том. Он заехал на брошюры. – Если только я не отвлекусь от этого, я схохну, Сашка! Мы должны сегодня пойти куда-нибудь и оторваться!

– Погулять?

– Ну да, что-нибудь вроде этого. А то с ума можно сойти. Мы свободны, предки к порядку не призывают, никто нас не строит, домой можно вернуться во сколько хочешь, а я сижу и зубрю. Грузу свой нежный мозг литературой.

– Но твоя репетиторша...

– О! Не напоминай мне о ней! Это гюрза! Мымра в юбке! Она решила справить мое погребение под этими фолиантами! Но это ей не удастся! Иначе я скоро начну говорить стихами и думать на языке древних славян. Ну нет! Мы сегодня же идем в ночной клуб. Долой литературу! Доставай свои тряпки! – скомандовала Настя и вывалила на кровать все, что имелось в ее сумке.

Саша последовала ее примеру.

– Да... Негусто.

Настя вытянула из полученной массы несколько более-менее ярких тряпочек.

– Будем комбинировать.

Путем немислимых комбинаций было сооружено два наряда для выхода «в свет». У дверей сверкающей огнями дискотеки Саша почувствовала себя не слишком уютно. Вышибала у входа оглядел их придирчиво и свысока. Но Настя не растерялась – подвинула верзилу своим изящным локотком и вошла внутрь с видом завсегдатая. Девчонки протиснулись сквозь узкий коридор, забитый курильщиками, в гремящий музыкой зал-клетку с зеркальными стенами. Здесь все двигалось, шевелилось. Казалось, что даже стены шевелятся, поскольку отражали собой движения, огни и все происходящее. У Насти глаза загорелись. Она потащила Сашу к барной стойке. С разбега прыгнула на высокий вертящийся стульчик.

– Два коктейля! – обронила она так, будто сроду только тем и занималась, что ходила по ночным клубам и пила коктейли. Саша пристроилась рядом.

Из-за грохота музыки сложно было разговаривать, и Настя начала что-то изображать знаками. Саше было весело разгадывать язык Настиных знаков и отвечать ей тоже знаками. Минут через десять они уже весело хохотали, заражая друг друга смехом.

– Сашка, смотри! Как тебе вон тот мальчик? Клевый,

правда?

Саша покрутила головой и увидела, куда показывает Настя. За столиком сидел парень в очках. Типичный ботаник. Саша прыснула.

Настя толкнула ее в бок:

– Сейчас закадрим.

Не успела Саша отреагировать, подруга уже тянула ее к столику, стоящему в углу.

– У вас свободно?

Парень рассеянно окинул их взглядом, затем кивнул. Девчонки присели. На Сашу напала смешинка, она никак не могла взять себя в руки и начать «кадрить» ботаника. Зато Настя мгновенно вошла в роль – она строила глазки и плела небылицы. Минут через пять она заявила:

– Нам с подружкой нужно поправить макияж.

Схватила Сашу за руку и потащила куда-то.

Они очутились в дамском туалете. Настя втолкнула Сашу в кабинку и зашла следом.

– Ну как? Прикольный мальчик?

– По-моему, это ты прикольная, – отмахнулась Саша. Порой она не совсем понимала подружку. По крайней мере ей необходимы были объяснения.

– Слушай! Что я придумала! Отпад! У тебя есть что-нибудь... Вот, косынка подойдет! – тараторила Настя, вытаскивая из подружкиной сумочки шейный платок.

– Зачем тебе косынка? Такая жара!

Настя отмахнулась. Она задрала майку и ловко заправила косынку в бюстгальтер.

– Ну как?

– Это зачем? – не поняла Саша.

– Проведем социологическое исследование. Я где-то читала, что мужчины, знакомясь с женщинами, в первую очередь обращают внимание на грудь.

– Вроде бы на ноги...

– Ноги-то под столом, – резонно заметила Настя. – Остается только грудь. Вот мы сейчас и проверим.

Парень за столом потягивал коктейль и уныло поглядывал по сторонам.

– Вы нас заждались? – пропела Настя, усаживаясь и выпячивая грудь, на которой красовалась Сашина косынка.

Парень прошамкал под нос что-то невнятное. Саше стало жаль его. Скорее всего он ждет девушку. Она опаздывает, и он нервничает, а тут две ненормальные пристали. Но Настя не разделяла чувств подруги. Она стала нести что-то насчет прослушивания, на которое они недавно случайно попали, прошлась по музыкальным вкусам местного диджея и неожиданно перепрыгнула на тему аквариумных рыбок. На последней теме ботаник вдруг резко ожил, и Настя вновь толкнула Сашу в бок.

– Мы сейчас, – мило улыбнулась она парню.

Они оказались в той же кабинке.

– Теперь ты! – Настя вытащила косынку и протянула Са-

ше.

– Это еще зачем?

– Заметит он или не заметит?

– Мне кажется, ему глубоко до лампочки, у кого какая грудь.

– Вот и увидим.

Вернулись. Настя щебетала, а Саша, как советовала подруга, щурила глаза и сверлила взглядом ботаника. Он застрял на теме аквариумных рыбок. Настя вращала глазами, пляясь то на Сашу, то на ее кофточку. Она будто бы собиралась приклеить взгляд ботаника к Сашиной груди. Эксперименту суждено было потерпеть крах – явилась девушка ботаника и утащила его танцевать.

– Какое разочарование! – пропела Настя, хотя вид ее говорил об обратном – ее завела атмосфера дискотеки, она чувствовала себя как рыба в воде. Саше тоже нравилась атмосфера всеобщей раскрепощенности. Они танцевали, знакомились с мальчиками. Настя представлялась то Снежаной, то Кристиной, потом рассказывала о своих проделках подруге, давясь от смеха. Вскоре из-за этой интриганки едва не завязалась драка. Девчонки, вовремя смекнув, что к чему, улизнули на улицу. А там... Пока они веселились в клубе, на улицы вышла ночь. Что это была за ночь! Ночь большого города, нужно отдать ей должное, совсем не похожа на ночь провинциального захолустья. Она принципиально другая. Ночь оглушила и ослепила двух взъерошенных во-

робьев, вывалившихся из какофонии дискотеки. Огни. Гирлянды огней, цветные витрины, фары машин, разноцветные глаза светофоров, мигание сигарет – все это свалилось на девчонок и заставило ошеломленно замолчать. Машины, как нарочно, со свистом проносились мимо, в неведомую даль – красивые, искристые, дорогие.

Саша и Настя молча стояли, пропуская через себя нарядную мишуру июльской ночи.

– Прокатиться бы... – вырвалось у Саши.

Настя плеснула на нее огнем глаз, молча перевела взгляд на поток машин, и ее осенило.

– Идем!

Не растекаясь в объяснениях, схватила Сашу за руку и потащила к самой кромке тротуара. Прежде чем Саша успела задать вопрос, Настя махнула рукой, делая знак летящим мимо машинам.

– С ума сошла! – ахнула Саша, но не успела развить свою мысль. Взвизгнув тормозами, возле них остановилась двенадцатая модель цвета «металлик». В салоне был один водитель – мужчина лет сорока: поперечные морщины на лбу, серебристые виски.

– Извините нас, пожалуйста, но вы должны нам помочь! – затараторила Настя, нервно сжимая Сашины пальцы.

– Что стряслось? – с оттенком насмешливого участия поинтересовался водитель.

– Наша подруга попала в беду! Мы ничего не поняли из

ее звонка. Ясно только, что сейчас она находится в районе...

Настя оглянулась на Сашу, призывая ее на помощь.

– В районе причала! – соврала Саша, невольно включаясь в игру, затеянную Настей.

– В районе причала, – эхом повторила Настя и добавила.

– И у нее что-то стряслось.

– Садитесь, – лаконично изрек водитель.

Девчонки, не заставляя повторять, нырнули в салон: Саша назад, Настя – рядом с водителем.

– Только у нас денег нет, – совершенно натурально призналась Настя.

– Дверь не закрыла. Хлопни.

Водитель сам закрыл Настину дверь и поехал. Замелькали мимо огни ночного клуба, баров, светофоры, окна домов, витрины магазинов, свечи фонарей. Стекло на Настиной дверце было приспущено, в салон врвался теплый ветер, трепал волосы над ухом.

– Как же ваша подруга могла поступить так неосмотрительно? Ночью отправиться бог знает куда?

– Ой, не говорите! – охотно подхватила Настя. – Никогда с ней раньше такого не бывало. Вообще-то она девушка серьезная. Все время только читает, читает... А тут... познакомилась с парнем...

– Ясно, – усмехнулся водитель.

– Да нет! Вы плохого не подумайте! Он на первый взгляд такой порядочный. Студент архитектурного института. – На-

стя стрельнула глазами в сторону Саши. – Пригласил ее на вечеринку. Она, бедняжка, так радовалась! Весь вечер собиралась, красилась, думала, что надеть. Вон у нее цепочку золотую взяла напрокат...

Настя кивнула в сторону Саши. У той брови на лоб полезли. Врала Настя настолько натурально, что Саша заслушалась и на какое-то мгновение почти поверила в существование неведомой подруги и ее таинственного парня.

– Ну, считай, накрылась твоя цепочка, – изрек водитель.

– Это почему же? – подскочила Настя. – Вы подозреваете, что он полный отморозок и завел нашу подругу в темное место, чтобы обчистить?

В голосе Насти прозвучало неподдельное возмущение.

– Ну, девчонки! Вы как с луны свалились... – хмыкнул водитель.

Саша на какое-то время даже отвлеклась от созерцания красот ночного города – заслушалась. До чего натурально Анастасия врет! Ни разу не сбилась. Ну, артистка!

Водитель привез их к речному вокзалу, высадил и тотчас уехал.

Речной вокзал был расцвечен огнями. Кругом лилась музыка. Набережная кипела неведомой им ночной жизнью. Девчонки посмотрели друг на друга. Сколько ночей они проспали, не подозревая об этой стороне жизни! Внутри приятно щекотало в предчувствии приключений. Они побродили по набережной, побегали босиком по пустому пляжу, а по-

том совершенно легко поймали машину и слово в слово повторили сказку о подруге. Сработало и на этот раз. Девчонки не подозревали, что уже вступили на шаткий мостик, именуемый авантюрой. Уже сунули свои носики туда, куда совать не следует. Уже подзвали к себе пальчиком Госпожу Опасность... Им даже в голову не приходило такое. Они весело добрались до общежития и, помахав ручкой водителю, вбежали в подъезд. Так началась их новая, ночная эпопея.

## Глава 5

Настя сидела на своей койке, скрестив ноги по-турецки, и штудировала Булгакова. На первый взгляд могло показаться, что она целиком погружена в процесс. Но только на первый взгляд. Она то и дело, не поднимая головы от книги, поглядывала в сторону своей подруги Саши, которая колдовала над старыми потертыми джинсовыми шортами – делала вышивку. Саша казалась Насте совершенно невозмутимой. Можно было подумать, что всю ее с головой поглотило это вышивание каких-то дурацких рыбок. Это настоящее испытание для Насти – высиживать этот клятый час перед наступлением сумерек. Сашке же, похоже, все равно. Нервы у нее словно железные!

– Сколько там натикало? – как бы между прочим поинтересовалась Настя, поскольку будильник стоял возле Саши и та локтем заслоняла его.

– Десятый час... – невозмутимо отозвалась Саша и перекусила нитку. – А что?

– Да так, ничего...

Настя «углубилась» в чтение. Судя по всему, подруга твердо решила выполнить свое намерение и больше не выходить из дома по вечерам. По крайней мере всем своим видом показывает, что самое интересное занятие для нее – это вышивание гладью! Настя с трудом подавила готовый вырвать-

ся вздох. Саша включила свет. За окном тут и там загорались огни. На город ложились нечеткие сумерки. Саша натянула готовое произведение искусства. Покрутилась перед зеркалом. Настя не подняла головы. Саша вздохнула, вытащила из шкафа свою косметичку и принялась лосьоном протирать лицо. И в это время за окном, на портале большого торгового центра, раздался мелодичный звон. Звонили большие круглые часы. Саша высунула нос в окно. Это невинное движение послужило сигналом для Насти. Она подпрыгнула и с силой шмякнула о подушку томик Булгакова.

– Все! Не могу больше! Мозги кипят!

Саша словно только и ожидала команды с Настиной стороны – метнулась к тумбочке и вытащила оттуда электрощипцы.

– Чур, я первая! – обрадовалась Настя.

– Ты вчера первая завивалась!

– Ну, Санечка, мне только челку!

На стол полетело содержимое шкафов – джинсы, юбки, топики, блузки. Зажужжал фен, раскалился утюг, зажурчала вода в кране. В считанные секунды полусонная до этого момента комната превратилась в разворошенный улей. Хотя и создавали это впечатление всего-то две пчелы. Девчонки метались по комнате как перед пожаром. Натягивали одежды, красились, завивались. И все это – торопливо, захлеб, словно кто-то грозный мог войти в любой момент и окриком прервать эту канитель.

И они, подстегиваемые необъяснимым чувством сродни азарту, торопились расправиться с неизбежной суетой и скорее, как можно скорее покинуть комнату и нырнуть в спасительный сумрак ночи. И вот уже, сунув вахтерше ключи, не стовариваясь, вылетают из общаги. Цок, цок, цок – босоножки по асфальту. Полквартила – молча, не взглянув друг на друга, даже хмуро. Как солдаты в строю. Дойдя до шумного перекрестка, как по команде, останавливаются. Им достаточно полувзгляда, чтобы понимать друг друга. Настя, как норовистая молодая лошадка, перебирает ногами.

– Смотри, чтобы водитель был один! – предупреждает Саша.

– Знаю. А ты хоть немного вслушивайся в ту лапшу, что я буду ему вешать! А то глазеешь по сторонам, как на курорте. Вчера чуть не выдала с головой!

– Когда?!

– Ну, с владельцем ресторана. Едем, я ему про больную бабушку, а она: «У вас машина прям как у Рябова, с телевидения».

– Ну и что? Как он мог догадаться, что Рябов был нашим очередным таксистом? Может, мы в другой обстановке познакомились?

– Да? И в какой же, интересно? Вот если бы этот владелец ресторана поинтересовался: а откуда вы, девочки, знаете Рябова? Я, типа, тоже с ним знаком. Он у меня в ресторане презентации проводит, – ты бы как выпутывалась? – не

унималась Настя, успевая при этом взглядываться в проезжающие мимо машины.

– Ты бы выпутывалась. У тебя лучше получается. Фантазия твоя беспредельна, подруга.

– Ага, беспредельна! А если бы меня на этот раз заклинило?! И я бы не сумела быстро сообразить?

– Ну что ж, пришлось бы повиниться: дорогой дяденька! Никакая больная бабушка не звонила нам с другого конца города! Никакое лекарство мы ей не везем! А просто мы любим кататься...

– Мы подсели на ночные катания, как наркоман на иглу! – подхватила Настя, искусно изображая плачущую и раскаявшуюся грешницу. – А для того чтобы кататься бесплатно, мы с подружкой ловим таких вот доверчивых добрых дяденек, как вы, и плетем им очередную сказку про бабушку. Ах, мы две беззащитные Красные Шапочки, не ешь нас, дядя Волк, владелец ресторана...

– А многих ли вы обманули, Шапочки? – басом подыграла Саша.

– Ах, многих, – смиренно согласилась Настя. – Вчера мы познакомились с банкиром. И он целый час возил нас по всем окраинам этого славного городка... А позавчера... Позавчера нас возил замдиректора нефтяной компании. Как он старался и самоотверженно искал по всем районам Улицу Двух Купцов, которую придумали Красные Шапочки...

Саша прыснула. Ну в артистичности Насте нет равных! И

как это заразно – разыгрывать такие спектакли.

– Девушки! – пробасила Саша грозно, стараясь достоверно передать интонации воображаемого волка. – А разве не попадались такие дяденьки, которые настучали бы вам по шапочкам?

– Нет! Конечно, попадают такие, которые не хотят везти бесплатно, но... Как все-таки много в нашем городе отзывчивых людей! Бедные дяденьки! Они и не подозревают, что являются участниками эксперимента! Что сценарий давно выучен и роли распределены, а все остальное...

В тот момент, когда Настя увлеклась настолько, что забыла, где находится, и стала красноречиво размахивать руками, возле них притормозила темно-синяя «шестерка».

– Девушка так отчаянно машет рукой, что я подумал: уж не стряслось ли чего?

Настя наклонилась к водителю. На нее смотрел средних лет мужчина со смеющимися глазами. Настя уже научилась определять человека по глазам. Вернее, была уверена, что научилась.

– Да, вы не ошиблись, – моментально «поменяв» лицо, подтвердила Настя. – Случилось. Вы не подбросите нас в центр?

Настя говорила и одновременно пыталась заглянуть в салон.

– Ну как не помочь таким симпатичным... – Водитель открыл обе дверцы, и девчонки юркнули в салон.

– А что стряслось-то?

– Бабуля позвонила, с сердцем что-то. «Скорую» вызвала, ночевать одна боится. Вот мы с подругой решили вместе. Только у нас денег нет...

– Бывает... Вы студентки?

– Ага! – с удовольствием подтвердила Настя. – Я учусь на журфаке, а Саша – будущий юрист...

– Юрист? – заинтересовался водитель. – Значит, коллеги! Ну и какое право вам больше по душе? Уголовное? Гражданское?

Саша промычала что-то нечленораздельное. Настя заерзала беспокойно.

– А вы в какой... области работаете? – попыталась перевести разговор на мужчину. Из их ночных вояжей она уже успела сделать вывод, что мужчины больше любят говорить о себе.

– Я работаю в суде.

– О! А можно я у вас интервью возьму? – промурлыкала Настя.

– Интервью? – развеселился водитель. – Да работа у меня больно скучная – разводы, тяжбы семейные, всякая волокита.

– Ну а на этой неделе какое дело вас больше всего разозлило?

– Разозлило? – Мужчина хмыкнул.

Настя уже чувствовала, что заинтересовала его. Он доб-

росовестно копался в памяти, главное – самой выглядеть заинтересованной. А это совсем нетрудно. Ведь ей уже удалось получить интервью у директора телеканала, у замдиректора нефтяной компании, у режиссера местного театра, даже у писателя! Она чувствовала себя докой в этом деле, и, самое главное, все охотно шли на контакт, с удовольствием рассказывали о себе, и за какие-то полторы недели Настя и Саша так насытились впечатлениями, что любой журналист-профессионал позавидовал бы им. Они же просто наслаждались жизнью и свободой. Их любопытство толкало на новые «подвижки». Сегодняшний водитель, оказавшийся мировым судьей, всю дорогу занимал их рассказами из судебной практики. Дорога до центра оказалась короткой. Они выпорхнули и отправились восвояси – вдоль залитой огнями улицы, к местному «Арбату». Не найдя здесь ничего интересного, они решили переместиться ближе к набережной, поскольку там всегда бывало особенно оживленно. Они двинулись к перекрестку и стали голосовать. Машина остановилась довольно быстро. Водитель перегнулся к ним через сиденье, и они услышали:

– Что, девчонки, кататься любим?

Это был судья, с которым они расстались только что. И голос у него на этот раз звучал совершенно холодно. Насте даже показалось – зловеще. Ведь он мог проследить за ними! Они ведь плели ему про больную бабушку, и он поверил как школьник! Некоторые такое не прощают... В его голосе

пряталась угроза. Девчонки молча отпрыгнули на тротуар, схватились за руки и сиганули, не разбирая дороги, в какой-то темный переулок, в кусты, заборы, грязные дворы... Они неслись, подгоняемые фантазией собственного страха, подпрыгивая на кочках, налетая на мусорные баки, вспугивая мирно дремлющих котов. В глухом квадратном дворе с разбега налетели на развешенное белье, запутались в нем и, отчаянно отбиваясь, заметались в поисках выхода. Вылетели на тихую улицу без машин. Несколько минут тяжело дышали, вытаращив друг на друга очумелые глаза. Вдруг Сашино тело стало содрогаться в конвульсиях. Настя испуганно наблюдала за подругой, которая согнулась пополам и присела на корточки, продолжая сотрясаться. Настя потеряла дар речи.

– У тебя... ты... – блестя слезами и задыхаясь, выдавливала Саша и наконец бессильно трясла рукой. – Че... че... че...

Только теперь Настя догадалась посмотреть на себя. Зацепившись за пуговицу курточки, на ней болтался огромный сатиновый бюстгальтер. Размер пятый, не меньше.

– Че-че-чепчик, – давилась Саша, не в силах даже засмеяться как следует. Настя отодрала от себя чей-то предмет туалета и нахлобучила подруге на голову.

Саша, лохматая, потная, красная, в сатиновом чепце выглядела просто супер! Настя разразилась хохотом. Теперь Настины колени подкосились. И они, тыча друг в друга паль-

цами, зашлись безудержным смехом. Они тряслись от смеха, как в лихорадке Настя упала на коленки, порвав при этом колготки. Руками она упиралась в асфальт, трясла головой и старалась не смотреть на Сашу. Это мало помогало. Та же, утирая слезы выдавшим виды бюстгальтером, громко икала сквозь приступы «хохотунчика». Через полчаса, вконец обессилев, они выползли из злополучного двора и плюхнулись на скамейку. Не было сил ни говорить, ни идти.

– У тебя есть расческа?

– Кажется, потерялась...

– Где это мы?

– Какой-то сквер...

Немного придя в себя, девочки огляделись. Одинокий светофор, табачный киоск, будка с троллейбусными билетами, тусклый желтый фонарь... И когда из темноты вдруг возникла машина, впиваясь в девчонок фарами, как клешнями, у Саши мурашки пробежали по спине. А Настя уже сделала привычный жест рукой. И машина покатила прямо на них и тихо остановилась у самых коленок. Плавно опустилось стекло ближайшей дверцы. Показалась физиономия. Это был молодой парень, на вид не старше двадцати. Он молча уставился на девочек.

Пока Саша пыталась разглядеть хоть что-то за тонированными стеклами задней дверцы, Настя с интересом разглядывала парня. Все трое молчали. Наконец Саша ущипнула подругу за локоть – остановили машину и молчат как истуканы.

– Молодой человек, – вдруг изумительно мягким и мелодичным голосом пропела Настя. – Нам с подружкой ужасно необходимо срочно попасть... на Хлебную улицу!

Парень молча открыл дверцу. Саша схватила Настю за руку, но та выдернула ладонь и шмыгнула на переднее сиденье. Саша, возмущенная, уселась сзади. Ну, Анастасия! Не совладать с ней! Какая еще Хлебная улица? Домой бы добраться!

Но Настя, похоже, вошла в раж, и азарт приключения снова заговорил в ней, как охотничий инстинкт – в собаке.

– Только сразу признаюсь, что у нас совсем нет денег, – немного виновато оговорилась Настя.

Парень довольно хмуро смотрел перед собой. На Настю последнее замечание он не отреагировал. Поначалу Настю не слишком смутило его поведение. Она привычно щебетала свою сказку о журфаке, о знакомых тележурналистах и секретах телевидения. Потом ее пыл понемногу стал угасать. Каково рассыпаться бисером, если твоя речь натывается на стену молчания? Немного погодя Насте пришла в голову робкая мысль, что водитель – глухонемой. Действительно, за всю дорогу он не издал ни звука. Неожиданно он остановил машину у одинокого киоска. Ни слова не говоря, закурил. Из-за киоска вынырнула грузная мужская фигура. В темноте эта фигура выглядела весьма внушительно. Саша, сидящая сзади, похолодела, когда «шкафчик» приблизился к машине и дернул дверцу. Ни слова не говоря, в салон протиснулся неслабого вида парень и уселся рядом с Сашей.

– Привет, – пискнула Настя.

– Здравствуйте, – ответили ей сзади.

Саша уже успела заметить такую черту в характере своей подружки: когда той становится страшно, она ни за что этого не показывает, она делает все наоборот. Так и на этот раз – подруга отчаянно пыталась разбить это неестественное, странное, тягостное молчание, развеять стягивающиеся отовсюду страхи. Она тараторила без умолку, то и дело вертя головой. К водителю, к «шкафчику», к Саше.

– Ты в курсе, где находится Хлебная улица? – вдруг произнес водитель, обращаясь к «шкафчику».

– Хлебная? Улица? Площадь знаю, а улица...

Настя даже смолкла на какое-то время – так неожиданно прозвучал голос молчавшего всю дорогу водителя. Значит, не немой!

– Ребята, а как вас зовут? – отчаянно кокетничала Настя, стараясь не застучать зубами от страха. – Меня – Настя, а мою подругу – Саша...

– Вадим, – буркнул водитель, напряженно вглядываясь в зеркальце заднего вида.

– Миша, – представился тот, кто сзади.

– А чем вы занимаетесь? – осторожно закинула удочку Настя и наткнулась на молчание.

– Охрана города, – ответил ей через некоторое время водитель.

Настя попыталась пошутить по этому поводу, развить те-

му, но ничего не получалось. Водитель только угрюмо курил, то и дело посматривая в зеркальце заднего вида.

Такое с девчонками случилось впервые. Обычно водители охотно болтали, верили в небылицы или делали вид, что верили, охотно плели что-то в ответ, а тут...

Между тем водитель притормозил у милицейской будки и о чем-то поболтал с милиционером. По тому, как милиционер пожимал плечами и разводил руками, было яснее ясного – об улице Хлебной он и слыхом не слыхивал.

Стали курсировать от улицы к улице. Выходя, смотрели таблички на домах, садились в машину, ехали дальше. Ни водитель, ни его внушительного вида спутник ничем не выказывали своего раздражения по поводу пресловутой Хлебной улицы. Словно им все равно было куда ехать, сколько времени и бензина на это потратить.

На Настины разговорные провокации эта парочка не поддавалась.

В эту ночь девчонки накатались досыта. Первой не выдержала Саша – подала голос с заднего сиденья:

– Может, домой, а, Насть?

Настя, взмокшая от своих журналистских усилий, с радостью согласилась. Угрюмая парочка подвезла их прямо к подъезду общежития, молча кивнула на прощальные приветствия и уехала. Девчонки в гробовом молчании поднялись к себе на этаж. Молча разделись. Рухнули на постели и... уснуть не смогли. Промаявшись полчаса без сна, приня-

лись терзать друг друга вопросами.

– А может, они бандиты? Ездят и высматривают, что бы или кого бы грабануть?

– Ага! Так бы они к милиционеру запросто подошли бы!

– Да... Слушай, а может, они голубые? Им с нами просто неинтересно разговаривать!

– А чего тогда они нас всю ночь по городу таскали? Из доброты душевной?

Настя села на кровати, поджала под себя ноги.

– Честно говоря, Сашка, меня водитель просто заинтриговал! У него лицо такое... Приятное. И прикид клевый. Классный мальчик. Только ужасно нервный – все курит и курит и назад оглядывается, словно за ними кто-нибудь гонится. Но ведь не гнался же никто!

– А откуда ты знаешь? Лично у меня сразу возникло ощущение, что они что-то натворили.

– Пристукнули кого-нибудь!

– Может, и пристукнули, – без тени улыбки отозвалась Саша. Помолчав, добавила: – Вспомни, как Миша из-за ларька вынырнул. Типа он подждал там машину. Не на свету стоял, заметь, а в темноте. Прикинь! У них все продумано. И нервничали они ненормально!

– Вот именно! И нас только для отвода глаз он в салон посадил. Если на них подозрение упадет, то алиби железное: всю ночь катали двух ненормальных, Хлебную улицу искали. И мы теперь, прикинь, свидетели!

– Это все ты со своим журналистским прибабасом! Нужно было сразу домой! А ты: Хлебная, Хлебная?

– Значит, я одна виновата? А тебе кататься не нравится? Ну, не нравится?

– Я не об этом? Теперь они и адрес наш знают! А если они настоящие преступники? По-любому они захотят свидетелей убрать. Как тогда?

– Да ты что? Какие мы свидетели?! Что мы видели? Мы не видели ничего!

– Ага, ничего! А что там, за ларьком? Может, там труп валяется? Все, мы влипли!

На девчонок напоззла паника. Поддавшись ее заразному беспокойству, они включили свет и переставили кровати подале от дверей. Уснули под утро, и первое, что было поутру, – все те же вопросы, посвященные ночному приключению. Только теперь, при дневном свете, на событие хотелось смотреть по-другому.

– Ты знаешь, – мечтательно протянула Настя хриплым от сна голосом, – а мне Вадим понравился. Что-то в нем есть.

– Да, хорошо молчал, – съехидничала Саша.

– Нет, правда! Это нервное молчание... В нем что-то таится... Ой, Сашка! Смотри, сколько времени!

Настя вскочила и заметалась по комнате как ошпаренная.

– Опоздала! К репетиторше своей опоздала! Она меня убьет! Она меня морально изничтожит!

– Да ладно... Тебя послушать, так она – абсолютная вам-

пирка. Ты все преувеличиваешь. Кстати, мне тоже нужно бежать. На рынок, а потом – к маме.

– Как она? Лучше?

Настя скакала на одной ноге, пытаясь впрыгнуть в комбинезон.

– Все так же.

В разговоре о матери Саша оставалась все такой же немногословной, как и раньше. Она очень неохотно обсуждала эту тему. Но регулярно, каждый день после обеда ходила навещать свою мать. Ей редко удавалось разговаривать с ней. Чаще мать спала, приняв снотворное. Саша чувствовала, а возможно, ей только казалось, что присутствие дочери напрягает Лику. Мать вела себя так, будто в доме посторонний человек, и мучительно искала темы для бесед. Саша и сама не знала, о чем говорить. Высказывать обиды больному человеку она не могла. Рассказывать же о себе, о своем детстве, о жизни можно только если между людьми возникает тепло. А без тепла получается сухо, скупо, схематично. Частенько во дворе материного дома Сашу поджидал Илья. Иногда он приходил туда с этюдником, а иногда просто сидел на бордюре детской песочницы. Увидев Сашу, вскакивал и торопливо подходил.

– Ну? Как она? – не здороваясь, выпаливал он. И жадно ловил каждое слово о Лике.

Сегодня, придя к матери, Саша снова подумала, что во дворе натолкнется на Илью. Что-то внутри дрогнуло, и

неожиданно для себя Саша сказала матери:

– Илья хочет навестить тебя.

Саша схватила глазами мать.

– Илья? Он разговаривал с тобой? – Мать вдруг вся напрыглась, черты ее лица обострились, она приподнялась, от этого усилия жилки на шее вздулись, кожа обтянула все косточки, до предела выпятив болезнь.

Саша внутренне содрогнулась. С каким-то язвительным чувством она подумала примерно следующее: вот мать, больная, непричесанная, потерявшая былую красоту, не хочет пустить к себе молодого парня, который любит ее! Она еще таит какие-то обиды, сводит счета... К чему все это? Поведение матери казалось ей фарсом, и было жалко не мать – Илью. Он-то любит ее, несмотря ни на что, хочет помочь, хочет быть рядом, хотя она такая больная и некрасивая, а она...

– Да он каждый день поджидает меня и спрашивает о тебе, – призналась Саша, глядя матери в глаза.

– И что ты?

– Что я? – не поняла Саша.

Мать вдруг убрала локти-подпорки и рухнула головой на подушку. Саша испугалась, подвинулась к ней, но та жестом остановила ее. И Саша села на место.

– Ты сказала ему, что я не хочу его видеть? Сказала?

– А почему я должна ему это говорить? – с вызовом спросила Саша.

– Потому, что я просила тебя об этом!

«А когда я просила пустоту прислать мне тебя? – кричало все внутри Саши. – Когда я плакала, мусоля фотографии, ты разве откликнулась на мой зов?»

– Он имеет право приходить под окно, – жестко отчеканила Саша. – Он не лезет тебе на глаза!

Лица закрыла глаза и замолчала. Саша тоже не смела нарушить молчание. Она уже решила, что мать уснула, как это с ней бывает. Вдруг посреди разговора – взять, закрыть глаза и исчезнуть. Нужно прислушиваться к дыханию, чтобы понять, спит она или нет.

– Посмотри... Он сейчас там?

Саша послушно подошла к окну. Илья сидел на краю песочницы и чертил что-то прутиком на песке.

– Он здесь, – доложила Саша.

– Помоги мне подняться, – приказала Лица. Саша подошла и поддержала мать. Они вместе добрались до окна. Лица была настолько слаба, что руки дрожали, когда она держалась за подоконник. Саша не знала, чего ожидать от матери, и потому в совершенном непонимании следила за ней. А мать, казалось, забыла о существовании Саши. Она вся сосредоточилась на созерцании детской песочницы. Глаза засветились и стали влажными.

Саша испугалась: что, если мать захочет отдернуть штору, застучать в окно, сказать Илье что-нибудь грубое, злое? Но секунды бежали, а ничего не менялось – мать стояла и

смотрела влажными глазами. Саше не было видно, что там, в этих глазах.

– Может, позвать? – вслух подумала Саша.

Мать резко развернулась в ее сторону и от этого чуть пошатнулась. Она посмотрела на дочь стеклянным взглядом и, оттолкнув ее руку, шагнула прочь от окна, едва не упала. А когда Саша подбежала, она вдруг совершенно истошным голосом истерично завизжала. До звона в ушах:

– Уйдите! Оставьте меня! Что вы понимаете?! Не трогайте меня! Не хочу!

Саша остолбенела. От крика, от того, что мать обращалась к ней во множественном числе, Саша стояла, не смея двинуться, и, широко раскрыв глаза, смотрела и смотрела на мать.

На крики прибежали соседки, вызвали «скорую». Они пытались справиться с матерью, уговаривали ее, успокаивали, как ребенка. Как только Саша почувствовала, что может двигаться, она попятилась и, ни слова не говоря, выскочила в подъезд. Слетев по лестнице, выбежала из тьмы в день и бежала, пока ее не остановил Илья.

– Что? Что? – тряс он ее за плечи. Саша молча освободилась от его рук и пошла прочь. Но, пройдя несколько шагов, оглянулась. Илья уже был у подъезда.

– Не ходи! – заорала она. – Тебе нельзя туда!

Он не слушал ее. Она нагнала художника, вцепилась руками, стала тащить назад. Илья оказался неожиданно силь-

ным для своей худощавой фигуры, и Саше нелегко было с ним бороться. Она повисла на нем, обняла за шею и заплакала. Тогда Илья перестал бороться с ней и тоже заплакал. Они стояли в темноте подъезда и плакали как две сироты. А наверху врачи собирали мать для госпитализации. Она стала такой легкой, что не понадобились носилки. Санитар отнес ее вниз на руках.

## Глава 6

– И вот так каждую ночь!

Вахтерша отхлебнула из высокой кружки чай и многозначительно взглянула на сторожиху.

– Как часы, – согласилась сторожиха, равномерно кивая и размешивая в стакане варенье. – А ведь какие молоденькие! И уже шастают по ночам!

– А родители думают, что они тут науками занимаются.

– Во-во. А у них другое на уме.

– А ты их не пусти разок ночевать. Что они запоют?

Сторожиха степенно отхлебнула чай, похрустела сушкой.

– Как непустишь? Жалко. Да и потом – платят они за жилье без льгот, по полной. Ведь не студентки пока. Не имею права такого – не пустить. Вот вчера...

Услышав шаги на лестнице, вахтерша сделала знак сторожихе, и та замолчала. Обе сделали вид, что целиком поглощены чаем, и уставились в телевизор, где шла реклама. По лестнице легко и весело спускались девчонки, о которых только что шла речь. Они хохотали, подталкивая друг друга в бок.

– Это куда же наши кумушки собрались на ночь глядя? – приторно улыбнулась вахтерша.

– Какая же ночь, тетя Нюр? – невинно удивилась Настя. – Время-то детское!

– Мы воздухом подышать, – закончила за подругу Саша. Бросив ключи вахтерше, они выпорхнули в ночь.

На крыльце Настя в лицах изобразила сначала вахтершу, потом сторожиху, заставив свою единственную зрительницу присесть от смеха. Затем, отправились привычным маршрутом, по дороге делясь впечатлениями дня. На этот раз в остановленной Настей машине оказался мужчина лет тридцати, бритый под ноль, в очках с тонкой оправой.

– Прыгайте, – скомандовал он, не дослушав историю о больной подруге.

И, не спрашивая, куда ехать, поехал.

Настя как обычно принялась щебетать что-то. Но, взглядывая сбоку на водителя, натыкалась на блуждающую по его лицу странную полуулыбку.

– А куда мы едем? – вдруг подала голос Саша с заднего сиденья. Настя поглядела в окно. Уже промелькнули огни новостроек какого-то микрорайона, потянулись участки дач...

– А вам, девчонки, разве не безразлично? – усмехнулся водитель. – Вы ведь все равно катаетесь?

В салоне повисло молчание.

– У нас подруга бо... – заблелась Настя, а водитель вдруг громко и нехорошо заржал, нажал на сигнал, замигал фарами, а потом переключил скорость и помчал по шоссе, оставив позади пригород с его особняками и халупами.

– Ну вы, блин, даете! – гоготнул он и снова замолчал.

Саша больно ущипнула Настю за руку. Настя потеряла руку

и стала молча смотреть на водителя. Теперь уже и его профиль с горбатым носом, и особенно оправа очков начинали казаться ей знакомыми.

Конечно! Он уже подвозил их, только тогда у него была шевелюра. А теперь он обрит наголо.

Настя почувствовала в темноте, что голову заливают горячим. Это она краснеет так. Хотя в темноте кому это нужно? И краска-то не от стыда, а от страха. Он уже катал их! Понял, что они накололи его, и теперь считает своим долгом отомстить им. Что делать?

Настины мысли понеслись в разные стороны. Сердце бешено застучало.

– А куда мы едем? – стараясь казаться беспечной, поинтересовалась Настя.

– Нам нужно в город! – пискнула с заднего сиденья Саша.

– А зачем вам в город, девчонки? – бросил водитель, сверкнув глазами. – Не все ли вам равно, куда ехать? Я вас с ветерком прокачу.

И машина помчалась так, что Настя испугалась: сейчас взлетит!

– Вот сейчас высажу вас в этой посадке... Весело будет голосовать? – Водитель недобро усмехнулся.

– Я хочу пить! – объявила Настя, словно и не слышала никаких намеков. – В этой тачке найдется вода?

Саша снова ущипнула Настю за руку. Та сердито отдернула локоть.

– Может, водочки? – ехидно поинтересовался бритый.

– Лучше пива, – как ни в чем не бывало ответила Настя.

Саша, ничего не понимая в замыслах подруги, паниковала. Она металась от окна к окну: тут хоть на ходу выпрыгивай, а Аська пива захотела!

От беспомощности и обиды на глазах у Саши выступили слезы.

Водитель потянулся к бардачку, открыл его и достал бутылку пива.

Нашел и открывалку. Настя полуобернулась, ковыряя крышку, и в темноте Саша увидела ее колючий решительный взгляд. Без труда она поняла, что хотела ей сказать подруга: «Будь готова ко всему».

Настя сделала еле заметный жест, который читался примерно так: «В случае опасности я шарахну его бутылкой по голове, а ты не зевай!»

Саша моргнула.

– Пиво будешь? – вслух спросила Настя.

Саша послушно взяла бутылку. И тут же подумала: «Или она предлагает мне его... завалить?!» Саша через силу сделала несколько больших глотков и поспешно вернула Насте бутылку.

– Так куда же мы едем, милейший? – как ни в чем не бывало поинтересовалась Настя.

– В аэропорт, – коротко ответил бритоголовый.

– А зачем?

– Много будешь знать – скоро состаришься.

К моменту въезда на территорию аэропорта обе девочки тряслись как мокрые мыши. Водитель закрыл машину и куда-то ушел. Настя мигом повернулась к Саше.

– Попробуй открыть!

Саша подергала ручку двери.

– Не получается. Даже если нам удастся выбраться, что мы станем делать?

– Поймаем мотор и свалим отсюда!

– Ты знаешь, сколько отсюда до города?

– Километров сто...

– Да не километров, балда! Денег!

– Наврем что-нибудь, первый раз, что ли?

– Таксисту наврешь? Да любой из них за полтинник удивится!

Они переругивались, тщетно дергая все подряд ручки. Все оказалось заблокировано. Вдруг без предисловий, без нытья и дерганья губами, так – с лета, Настя разревелась громко и зло.

– Зачем мы ему понадобились? – вопрошала она непонятно кого, поскольку Саша ей ответить не могла. – Зачем он нас сюда приволок? Сейчас продаст каким-нибудь отморозкам... и переправят нас в какую-нибудь Малайзию-у-у...

– Вытри сопли, – жестко потребовала Саша. Минуту назад она сама была готова зареветь, но Настины слезы ее отчего-то взбодрили. Она нашла в бардачке бумажные салфетки

и сунула их подружке. В салоне воняло пивом, становилось душно. – Утри слезы, вон он идет! Еще не хватало, чтобы он подумал, будто мы боимся его!

Бритоголовый положил что-то в багажник и открыл дверцу.

– Соскучились? – хохотнул он и протянул руку к Настинной коленке. Она машинально отбросила его руку, как горящую головешку. Он посмотрел на нее долгим недобрый взглядом. Обрато ехали той же дорогой, только теперь Насте не приходилось занимать его разговорами. Он включил громкую музыку, и они летели, подгоняемые ритмами. Настя наблюдала за водителем и ничего не могла разглядеть, кроме мрачной решимости в его глазах. Что-то произошедшее в аэропорту резко испортило его настроение.

Вдруг у самого въезда в город, когда уже замаячили очертания дач, он резко свернул на проселочную дорогу. Несколько раз подпрыгнув на кочках, машина остановилась у темных кустов.

– Вылазь! – коротко бросил бритоголовый Саше. Настя при первой же попытке что-то вякнуть была отброшена к дверце, на которую больно ударилась спиной.

Все произошло в считанные секунды. Настя вскрикнула, Саша выхватила из-под сиденья пивную бутылку и с силой шарахнула по лысому черепу. Ни охов, ни ахов – бритоголовый осел, уронив голову на руль. Настя тоненько завизжала. Саша поспешно зажала ей рот ладонью. Кое-как они вы-

брались из машины и рванули напрямик – через дачи, заборы, клумбы, пока лай разбуженной собаки не выгнал их на дорогу. Возле реставрируемой церкви они остановились отдышаться. Саша озиралась кругом, не в силах собраться с мыслями. Голосовать в таком месте опасно. Ночь, безлюдная окраина. Между тем машины ездили и тут. Прямо напротив церкви стояли рядом киоски. Пара из них даже освещалась. Какая-то машина свернула к базарчику и медленно объехала его по кругу.

– Пойдем! – решительно приказала Настя. Не слушая возражений, направилась к базарчику.

Машина описала круг и медленно двинулась в сторону девочек. Настя подняла руку.

– Извините, вы не в город? – более-менее твердым голосом спросила она.

– Охрана города к вашим услугам, – донеслось из салона.

– О! Вадим! Миша! – Настя обрадовалась старым знакомым, словно не она несколько дней назад подозревала их в убийстве. Сейчас их появление казалось ей чудом, знаком, чем угодно. А лица... Впрочем, она даже задумываться не хотела. Саша тоже поспешила скорее нырнуть в салон, как в теплый дом с мороза.

– Как вас сюда занесло? Снова Хлебную улицу ищите?

Сегодня Вадим не выглядел таким угрюмым, как в прошлый раз.

Он более охотно отвечал на вопросы, не хватался за сига-

реты и не сводил угрюмо брови к переносице.

– Девчонки, а не боитесь вот так кататься по ночам? А если нападете на плохого дяденьку?

– Уже напали.

– И что было?

– Да ничего не было, вы вовремя подъехали.

– Ну и отлично. Размещайтесь. Будете кататься с нами.

После пережитого стресса на Настю напал приступ болтливости. Она щебетала, с особым рвением расспрашивая ребят о городе, о них самих, об их занятиях. Сегодня Вадим был более расположен к беседе. Он рассказал им, что охрана города – это громко сказано, на самом деле они охраняют сеть табачных киосков. В их обязанности входит объезжать закрытые на ночь киоски, проверять, все ли в порядке. От такого простого объяснения загадки «ночного патруля» девчонки заметно воспряли духом. Солировали в общей болтовне Настя и Вадим, Миша и Саша больше помалкивали, искоса приглядываясь друг к другу. У Насти не было возможности достаточно хорошо разглядеть Мишу, зато Вадим уже казался ей весьма приятным. Сбоку его профиль выглядел трогательно-нежным, совсем мальчишечьим, невзрослым. Усики, чуть прикрывающие верхнюю губу, делали его лицо немного щеголеватым, но это впечатление смягчал мягкий приглушенный голос.

– Ну, девчонки, если уж вы так хотите кататься по ночам, падайте нам на хвост. Всем веселее будет. Нам по-любому

ночами курсировать.

– Мы подумаем, – едва сдерживая восторг, пообещала Настя. А Саша что-то буркнула с заднего сиденья.

В эту ночь, сопровождаемые неодобрительным взглядом вахтерши, девчонки пробрались в свою комнату, где уснули сразу, что называется, без задних ног. А утром им уже казалось нереальным ночное происшествие с бритоголовым, поскольку его заслонил «ночной патруль» и общение с Мишей и Вадимом. Продолжался месяц бессонных ночей. Настя и Саша спали по четыре часа в сутки, умудряясь выглядеть при этом свежими цветками из оранжереи. Правда, Настя могла иногда уснуть над какой-нибудь критической статьей, но день экзамена неминуемо приближался и страх провала заставлял работать. Саша тоже не могла позволить себе расслабиться – до обеда нужно было успеть сходить к матери, а потом вымыть полы в коридорах и холле общежития – ее временно взяли техничкой. Теперь же мать увезли в больницу, и после этой безобразной сцены у окна, после истерики, Саша не могла заставить себя пойти в больницу и проведать мать.

– Ну хочешь, я пойду с тобой? – Настя захлопнула учебник и вскочила с пола. И тогда Саша обрадовалась предложению.

– Хочу!

Они приехали к зданию больницы и с замиранием прочли надпись золотым по синему: онкоцентр. Поплутали по

бесприютным путаным коридорам первого этажа и поднялись на второй. Мимо пронеслась взлохмаченная медсестра. В растопыренных пальцах обеих рук она держала шприцы – сколько пальцев, столько и шприцев.

– Халаты наденьте! – бросила она девочкам на ходу.

Запах медикаментов перекрывал дыхание. Саша заглянула в ближайшую палату и отшатнулась – койки плотными рядами, женщины в цветных халатах, в глазах – тоска... Саше показалось, что сама болезнь, прищурившись, смотрит на нее. Настя сунула ей белый халат. Прошли дальше по коридору, заглядывая во все двери. Везде та же убогость, теснота, банки с едой на тумбочках, запах хлорки и дешевой столовой. И кругом к ним обращались лица, казавшиеся изможденными, с глазами, в которых плескалось что-то жадное, просящее. Словно девочки, пришедшие оттуда, с улицы, из другого мира, мира здоровых, могли дать этим людям что-то.

– Девушки, вы к кому? – строго окликнула их медсестра из процедурной.

– Мы к Лидии Смирновой, – быстро проговорила Саша. – Ее в понедельник привезли.

– Это туда, – махнула медсестра в конец коридора. Там вдоль стены стояли железные койки. На них лежали больные. Приблизиться к тем, кому не хватило места в палатах, оказалось испытанием для девочек. Сашина мать была без сознания. Возле койки стоял штатив с капельницей. В вену

оголенной руки поступало по прозрачной трубочке лекарство. Сейчас мать показалась Саше маленькой высохшей старушкой. Девушка почему-то сразу вспомнила Илью. Он, дурачок, томится, отвергнутый, и не может понять, что Лика, красавица Лика ни за что не допустит, чтобы он увидел эту страшную картину. Это превращение женщины в НЕЧТО. И как трудно дается матери отказ от Ильи, Саша тоже чувствовала очень остро и не понимала, как в таком тщедушном тельце может заключаться столько силы и столько страсти.

– Это безобразие! Таких больных держать в коридоре! – раздалось у Саши над ухом. На какое-то мгновение она и забыла, что рядом подруга. Настины глаза возмущенно сверкали. – Где тут дежурный врач?

Никто внимания не обратил на ее вопрос. Настя развернулась и решительно зашагала по коридору. Полы ее халата развевались как стяг. Она заглянула в ординаторскую. Медсестры жевали пирожки и хохотали.

– Где врач? – рявкнула Настя, но на ее голос даже не обернулись.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.